ЕВРОПА ВЪ ОГНѢ.

ВОЙНА ГЕРМАНІИ СЪ РОССІЕЙ.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ВОЙНА.

ОБРАЗОВАНІЕ ГЕРМАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ нынѣшній моментъ, моментъ кровавыхъ столкновеній и тяжелыхъ предчувствій встаютъ невольные вопросы: что за этимъ послѣдуетъ? какія неожиданности свалятся на наши головы? не увлечетъ ли и насъ бурный вихрь войны? и во что тогда выльется циклъ нашихъ невзгодъ? и съ какой стороны нагрянетъ къ намъ опасность?

На законные вопросы нѣтъ отвѣта. Тьма неизвѣстности въ часы наибольшаго напряженія зрительной способности человѣчества точно нарочно сгущается еще сильнѣе. Отъ этого тучнѣе почва страховъ, на которой рождаются самые разнообразные цвѣты фантазіи.

Предлагаемая книга представляетъ одинъ изъ такихъ скороспѣлыхъ цвѣтовъ. Фантазія наша пошла въ направленіи самаго злого горя, которое могло бы выпасть на долю Россіи—нашествія на Россію противника, взявшаго всѣмъ, на котораго у насъ не переставая киваютъ и который теперь—именно теперь—загадочно молчитъ.

Вопросъ о возможности вооруженнаго столкновенія Россіи съ Германіей не новый. Онъ въ теченіе многихъ лѣтъ дебатировался на всѣ лады и въ Россіи и въ Германіи и рѣшался самымъ различнымъ образомъ.

Положительныя рѣшенія этого вопроса въ Германіи психологически объяснимы. Вѣдь слишкомъ соблазни-

тельно имѣть огромныя боевыя средства и не извлекать изъ нихъ всей пользы. Съ другой стороны, уже не разъ Германія подносила къ устамъ Россіи горькую чашу испытаній и Россія также не разъ покорно пила изъ послѣдней. Внутреннія бури Россіи не только не измѣнили тѣхъ старыхъ устоевъ, при которыхъ Россія шла на вынужденныя уступки, но самыя бури эти далеко не кончились. И въ эпохи передвиженія народовъ такія положенія особливо учитываются, а что эпоха передвиженій опять началась, надо ли это доказывать, и обязательно ли вѣрить, что status quo будетъ во всякомъ случаѣ соблюденъ...

Вотъ отъ какихъ мыслей родилась эта книга, столь близкая и по времени и по духу своему къ кровавой книгѣ русско-японской войны.

Нашествіе Германіи.

Цѣлый рядъ лѣтъ Берлинское правительство только и дѣлало, что туже и туже стягивало мертвую петлю, давно накинутую на шею нѣмецкой Польши. Оно осуществляло политику, охарактеризованную въ такомъ афоризмѣ одного извѣстнаго своею циничностью нѣмецкаго публициста: Германія могла бы примириться съ существованіемъ поляковъ только при томъ условіи, если бы каждый полякъ съумѣлъ произвести на свѣтъ по меньшей мѣрѣ пару нѣмцевъ, которые выросши удавили бы своего отца за его польское происхожденіе.

Прусскіе поляки перестали даже Бога молить о защитѣ, сочтя себя обреченными Провидѣніемъ.

И вдругъ, когда уже и силы упали, самымъ неожиданнымъ, самымъ страннымъ образомъ цѣпь преслѣдованій оборвалась.

Нѣмецкіе министры съ императоромъ во главѣ вдругъ милостиво протянули Польшѣ руки: они сняли съ поляковъ весьма важныя ограниченія; отмѣнили суровыя кары; пригласили сыновъ Германіи съ уваженіемъ относиться къ «великой» польской націи; возстановили въ правахъ и титулахъ многіе старинные польскіе роды, издавна опальные; основали даже музей польской старины, а въ листкахъ пресмыкающихся передъ властью оффиціозовъ зашелестѣли намеки не болѣе, не менѣе какъ на возможность выдѣленія Польши въ самоуправляющееся цѣлое.

Поляки терялись въ догадкахъ и въ открывавшихся горизонтахъ.

Наиболѣе простодушные объясняли перемѣну въ отношеніяхъ къ нимъ общимъ поднятіемъ культурнаго уровня, отъ вліянія котораго молъ не могла уберечься и правительственная власть. Несчастные думали, что веревки новаго времени перестали годиться для петлей и волей-неволей пришлось-де и прусскому правительству отказаться отъ послѣднихъ.

Люди, во всемъ сомнѣвавшіеся, говорили себѣ, что если кошка стала ласкова съ мышью, то это не къ добру.

Но большинство, которое неумѣло тонко разсуждать, нашло, что жить стало лучше и куда легче, а стало быть есть за что и поблагодарить пруссаковъ.

Это мнѣніе нашло откликъ и за рубежомъ, и русскіе поляки стали нервно прислушиваться къ каждой новости у своихъ нѣмецкихъ собратьевъ. Польскія газеты въ Россіи замѣтно измѣнили свой тонъ: хотя положеніе поляковъ въ Россіи оставалось безъ перемѣны, но по газетамъ выходило такъ, что поскольку стало лучше полякамъ въ Пруссіи, то вдвое противъ того стало имъ хуже и невыносимѣе въ Россіи — однимъ словомъ говорилось, и довольно прозрачно, отчего бы и русскимъ полякамъ не испытать прусскаго рая...

Одинъ оставшійся враждебнымъ къ пруссакамъ польскій сатирическій журналъ въ Варшавѣ съязвилъ было по поводу куртажа, авансомъ полученнаго нѣкоторыми газетами за продажу пруссакамъ русскихъ поляковъ, но послѣ этого никто больше не порывался на объясненіе рѣзко измѣнившагося направленія органовъ польской печати.

Послѣ нѣкотораго перерыва Австрія вдругъ снова выступила съ цѣлымъ рядомъ рѣзкихъ обвиненій противъ Россіи, имѣвшихъ цѣлью вскрыть заговорщиче-

скій обликъ русскаго правительства, якобы подбивающаго и поддерживающаго балканскія государства славянъ въ ихъ стремленіяхъ безъ конца нарушать миръ. Въ устахъ австрійскихъ клеветниковъ Россія сдѣлалась какой то притчей во языцѣхъ. Хорошенько отругать Россію стало ежедневной необходимостью каждаго австрійскаго нѣмца. Но такъ какъ брань на вороту не виснетъ, то повидимому въ оправданіе этихъ мудрыхъ словъ было совершено въ различныхъ частяхъ Австріи нѣсколько странныхъ ничѣмъ не вызванныхъ открытыхъ нападеній на знатныхъ русскихъ путешественниковъ, и не только низшія власти спокойно и даже какъ то покровительственно созерцали эти оскорбленія, но и центральное правительство разводило руками въ отвѣтъ на представленія русской дипломатіи и не только не приносило извиненій и не производило неизбѣжныхъ въ такихъ случаяхъ разслѣдованій, но позволяло себѣ высказывать очевидно несостоятельныя подозрѣнія на счетъ поведенія самихъ русскихъ и явно недобросовѣстно затягивало дѣло.

Стали приходить извѣстія изъ частныхъ источниковъ, что Японія обнаруживаетъ кипучую дѣятельность и въ южной Манчжуріи, и въ самой метрополіи, но предпочитаетъ почему то скрывать ее, поскольку то возможно.

Что же касается Китая, то про него можно было безошибочно сказать, что онъ зазнался. Китайскіе правители просто поворачивались задомъ къ русскому посланнику, когда тотъ хотѣлъ говорить съ ними. Русское посольство забрасывали угрожающими письмами и посылками, въ которыя были наложены взрывчатыя вещества.

Съ Амура и другихъ русско-китайскихъ границъ начали поступать все въ большемъ и большемъ количе-

ствѣ донесенія объ убійствахъ китайцами русскихъ и объ истязаніяхъ, совершенныхъ передъ тѣмъ какъ убить.

Россія напряженно вглядывалась въ тьму, изъ которой долженъ былъ родиться завтрашній день.

Во всѣхъ пораненіяхъ своихъ она пока не видѣла одной причины ихъ; для нея все сливалось въ совокупность случайностей и вопросъ былъ только въ томъ, пойдутъ эти случайности на нѣтъ или нагромоздятся новыя.

Опять набросились на русскую дипломатію, обвиняя ее въ безталанности, зѣвкахъ и въ прочихъ вѣковыхъ ея грѣхахъ, которые, говорилось, и привели къ ряду переживаемыхъ сюрпризовъ, но дипломатія явила такой безмолвный и застѣнчивый видъ, что отъ нея вскорѣ отстали, безнадежно махнувъ рукой.

И про Польшу стали говорить, что пруссаковъ время заставило измѣнить въ ней политику, что тоже самое—хоть и въ меньшемъ масштабѣ—придется продѣлать и намъ у себя.

Отношенія Австріи начали объяснять нервностью, вполнѣ понятной при успѣхахъ подъ бокомъ балканскихъ государствъ и при вынужденной сдержанности этой великой державы, которой Европа подъ давленіемъ Россіи мѣшала срывать плоды балканской распри.

Про Китай толковалось, что послѣ «жидовъ» самый каверзный народъ на свѣтѣ — китайцы, что мы давно не пугали ихъ, а потому ничего нѣтъ страннаго въ томъ, что они возомнили, и что это пройдетъ послѣ первой же демонстраціи одного казачьяго полка.

И такъ какъ никакого опредѣленнаго бѣдствія не предвидѣлось, то русская жизнь продолжала попрежнему тихо течь по своему узкому руслу.

Между тѣмъ назрѣвали исключительныя событія и мелкіе уколы, нанесенные и наносимые то той, то другой части россійскаго тѣла, были не случайностями настоящаго, а симптомами грядущаго.

Европа давно не видала большихъ революцій и казалось забыла о крупныхъ войнахъ. Столкновенія великихъ державъ не выходили за стѣны кабинетовъ и боевая слава дремала по музеямъ. Возникавшія недоразумѣнія заканчивались обмѣномъ орденами. Казалось, суета мирной работы могла растворить какой угодно воинственный пылъ. И когда начинали грозить газеты одной великой страны войною газетамъ другой, то ужъ можно было заранѣе сказать, что никакой войны не будетъ, и дѣйствительно, вскорѣ начинался подсчетъ военныхъ силъ газетами обѣихъ странъ, оказывалось лишній разъ, что войскъ очень много, а затѣмъ тѣми же газетами заключался миръ, послѣ чего начинался споръ о томъ, кто больше выигралъ. И никому изъ простыхъ смертныхъ и въ голову не приходило быть недовольну такимъ способомъ веденія войны, потому что никто изъ нихъ серьезно не представлялъ себѣ настоящей войны въ новѣйшей Европѣ, настоящаго разрушенія средствъ и храмовъ культуры руками культурныхъ людей. Воздѣйствіе этихъ причинъ и устраняло безпокойство за завтрашній день.

Но наконецъ наступилъ день совсѣмъ не похожій на длинный, длинный рядъ предыдущихъ дней, день неожиданнаго удивленія для многихъ милліоновъ, подготовленный настойчивой и молчаливой энергіей.

Балканскія пули начали залетать дальше своей цѣли и вооруженный „великій“ миръ далъ наконецъ свои плоды.

Событія Балканъ разомъ стушевались, какъ то примолкли и міровое вниманіе перенеслось къ болѣе любопытному зрѣлищу.

Какъ разъ наканунѣ праздника русской Пасхи Берлинъ волновался однимъ извѣстіемъ: подъ предсѣдательствомъ императора съ ранняго утра происходило совѣщаніе всѣхъ министровъ при участіи королей, князей и высшихъ военныхъ чиновъ государства.

Для каждаго нѣмца было ясно, ради кого и чего собрались вершители судебъ нѣмецкаго народа, и у каждаго нѣмца возбужденно билось сердце. Нарядившись въ сюртуки и цилиндры, нѣмцы поспѣшно выходили на улицы и на углахъ главныхъ улицъ превращались въ ожиданіе. А когда подъ самую полночь черезъ столицу стали проходить въ боевомъ вооруженіи западные отряды, отцы бросились будить своихъ женъ и дѣтей, чтобы показать имъ и запечатлѣть въ ихъ памяти на всю ихъ жизнь торжественный моментъ, когда ряды героевъ наконецъ тронулись на... Россію.

Всю ночь дрожала земля и стѣны Берлина отъ горячихъ пожеланій, отъ боя барабановъ, отъ пѣнія національнаго гимна цѣлыми толпами и криковъ «hoch» отъ топота лошадей и бряцанья оружія, отъ колесъ артиллеріи и отъ благочестиваго возсыланія молитвъ къ небу, не остававшемуся безучастнымъ къ землѣ и отвѣчавшему продолжительными то пропадавшими, то вновь усиливавшимся звуками гудящаго перебоя— тамъ двигались воздушныя суда правильными колоннами, спокойно и увѣренно направляя свой бѣгъ къ завѣтнымъ границамъ.

Уже поздно ночью императоръ съ наслѣднымъ принцемъ вышли изъ засѣданія королей и сановниковъ на террасу дворца.

Императоръ долго и внимательно прислушивался къ нароставшему гулу Берлина. Чуткое ухо попыталось уловить безпокойные звуки, но тѣмъ сильнѣе восприняло ликованіе.

И не вѣря себѣ, императоръ задрожалъ какой-то пріятной, давно имъ неиспытанной, молодой дрожью, лицо его обдало потомъ, и онъ послѣ многихъ мѣсяцевъ упорной сосредоточенности и серьезности. по дѣтски счастливо и продолжительно улыбнулся.

Наслѣдный принцъ, понявшій моментъ безъ словъ схватилъ его руку и судорожно сжалъ.

— Государь, вы должны быть счастливы: вы угадали тайныя мысли народа, которыхъ онъ самъ не зналъ въ себѣ до сегодня.

— Мечта всей моей жизни, всей жизни... взволнованно и проникновенно, точно оправдывая свое волненіе, отвѣтилъ императоръ и, вдругъ обхвативъ кронпринца, зарыдалъ.

Объявленіе войны пришлось на солнечный день.

Императоръ, горя нетерпѣніемъ увидѣть вблизи народное настроеніе, рѣшилъ проѣхать по Берлину.

Когда автомобиль его очутился на городскихъ улицахъ, въ душу императора закралась тревога, доходившая до такои степени, что онъ не могъ спокойно сидѣть. Онъ точно испугался, испугался какъ ученикъ, который въ разсчетѣ, что его не спросятъ, не приготовилъ на сегодня урока и вдругъ услыхалъ вызывающій его голосъ учителя. Онъ быстро сталъ провѣрять свои политическіе разсчеты. Германія возьметъ русскую Польшу, Прибалтійскій край и дальше не двинется, развѣ въ случаѣ упорства русскихъ, но упорствовать имъ врядъ ли придется, когда вдругъ они очутятся лицомъ къ лицу съ Австріей, съ Японіей съ китайцами, съ внутреннимъ движеніемъ. Императору ясно представился процессъ сложенія его родины. Вотъ и онъ привалитъ свой камень къ крѣпкому зданію предковъ и продолжитъ родъ Великихъ,

И такъ будетъ. Все предусмотрѣно, все взвѣшено, и неудержимый потокъ уже льется на беззащитную, необороненную страну. Сегодня въ полдень сотни нѣмецкихъ пушекъ откроютъ по границѣ огонь, выстроятся несмѣтные ряды закаленной продолжительными упражненіями пѣхоты и мѣрнымъ, смотровымъ маршемъ перейдутъ границу. Прусское императорское знамя разовьется надъ русскими полями.

Жертвы? Но столкновеніе предначертано свыше, и онъ только выбралъ наиболѣе удачный моментъ, онъ сократилъ число жертвъ. Какъ можно было избѣжать столкновенія? Какъ можно было столковаться, когда начать толковать было не съ чего? Германіи издавна нужны и русская Польша и Прибалтійскій край, но не было возможности заговорить объ уступкѣ ихъ. Онъ перерубилъ узелъ.

И еще... Онъ столько слышалъ упрековъ за направленіе своей жизни, онъ умѣлъ поймать въ этихъ упрекахъ духъ озлобленной и дальше все развивающейся, все растущей ненависти, онъ имѣлъ данныя опасаться за судьбу своей династіи. Стало необходимымъ показать Германіи, въ глазахъ которой авторитетъ императора падалъ, что онъ, императоръ, если не необходимъ, то безусловно полезенъ, что пріобрѣтенія. которыя станутъ возможны благодаря только его трудамъ, съ лихвой покроютъ его недостатки.

И еще припомнилъ императоръ одно недавнее соображеніе въ пользу войны: роль Англіи, какъ соперника Германіи, обозначится рѣзче именно при невозможности для нея воздержаться отъ хотя бы малой матеріальной помощи врагу Германіи. Тогда, казалось императору, поднимутся въ оцѣнкѣ нѣмецкаго народа и лелѣемое имъ войско и онъ самъ со своими трудами, и неизбѣжный ударъ по Англіи придется цѣлѣе.

«Въ великихъ дѣлахъ человѣка болѣе праваго, чѣмъ Вы, государь, не найти», припомнились императору слова канцлера, и онъ, какъ вполнѣ оправданный подсудимый, энергично поднялъ опущенную въ раздумьи голову, стальнымъ взглядомъ поглядѣлъ въ первыя сотни глазъ и вдругъ, повинуясь какому-то вдохновенію, снялъ съ головы кирасирскую каску и, держа ее протянутой впередъ рукой, поднялся съ сидѣнія автомобиля, показываясь самымъ далекимъ рядамъ все запрудившихъ собою нѣмцевъ, исходившихъ бѣшеными криками восторга.

Нѣмецкая армія въ цѣломъ ничего не имѣла противъ войны. Въ этомъ отношеніи она ничѣмъ не отличалась отъ дикаго звѣря, который, несмотря на свою колоссальную силу, въ концѣ концовъ все таки подчиняется дрессировкѣ значительно болѣе слабаго, чѣмъ онъ, человѣка, и потомъ бываетъ довольно какого-нибудь незначительнаго жеста этого человѣка, чтобы грузное животное завертѣлось какъ волчокъ.

И мало сказать, что армія не была противъ войны. Люди исключительно здоровые, все время которыхъ проходило въ томъ или другомъ видѣ спорта, въ тѣхъ или другихъ физическихъ упражненіяхъ, поставленные въ условія довольно беззаботнаго существованія, которыхъ не только муштровали, но и берегли, и холили, которымъ изъ года въ годъ внушали, въ чемъ ихъ задача—эти люди были прямо рады использовать все ими пріобрѣтенное и хотя бы изъ самолюбивыхъ побужденій хотѣли посмотрѣть, какъ удастся задача.

Кромѣ того была у войска и общая съ нѣмецкимъ народомъ причина желать войны. Какъ въ народѣ, такъ же и въ войскѣ было распространено убѣжденіе, что Россія, по меньшей мѣрѣ несправедлива: она держитъ въ своихъ рукахъ то, что имѣть необходимо

Германіи, въ то время какъ заднія русскія земли лежатъ втунѣ. Мысль, словомъ, была та же, что и по всей Германіи и у самого императора—о естественной необходимости раздвинуть предѣлы, и, преслѣдуя высокую цѣль осуществленія «справедливости», нѣмецкая армія двигалась на востокъ съ веселыми пѣснями, увѣренная въ успѣхѣ дѣла также, какъ и въ его святости.

Война Германіи съ Россіей открылась дѣйствіями нѣмецкаго воздушнаго флота.

Отрядъ дирижаблей самой послѣдней системы получилъ приказъ взорвать хранилища воздушныхъ судовъ Россіи.

Въ распоряженіе отряда были доставлены самые точные планы, самыя свѣжія указанія, и подъ руководствомъ нѣмецкихъ офицеровъ, хорошо изучившихъ задолго до войны всѣ мѣста осѣдлости русскаго флота, отрядъ немедленно началъ компанію.

Разбившись на единицы, онъ миновалъ границу въ различныхъ мѣстахъ ночью совершенно незамѣтно для русскихъ. Скорость хода судовъ была изумительна, даже для того времени, такъ далеко ушедшаго въ успѣхахъ по авіаціи.

Отрядъ шелъ съ разсчетомъ одновременнаго нападенія какъ на дальніе, такъ и на ближніе ангары, и съ такими предосторожностями, что извѣстіе о появленіи, въ Россіи какихъ то таинственныхъ воздухоплавателей было получено одновременно съ появленіемъ трехъ дирижаблей отряда надъ Петербургомъ. Прибытіе послѣднихъ состоялось раннимъ утромъ, когда въ спокойно отдыхавшій Петербургъ прилетѣла первая грозная телеграмма съ западной границы.

Врагъ выбралъ лучшія хранилища воздушнаго флота Россіи, лучшія суда послѣдняго и съ высоты спокойно и точно разбросалъ губительныя средства.

Произошло нѣсколько ужасныхъ взрывовъ въ самомъ сердцѣ праздничнаго народа и праздникъ смѣнился трауромъ.

Коварный врагъ торжествовалъ.

Какъ бы глумясь надъ горемъ русскихъ, какъ бы для того, чтобы подчеркнуть безпомощность ихъ, нѣмецкіе дирижабли, успѣшно исполнивъ порученіе своего повелителя, пронеслись надъ русской столицей, сначала медленно и спокойно, какъ надвигающаяся угроза, а затѣмъ съ сумасшедшей скоростью, при оглушительныхъ выстрѣлахъ холостыми изъ пушекъ дирижаблей и при ликующихъ кликахъ командъ. Описавъ пару круговъ, дирижабли остановились надъ Невскимъ проспектомъ, замерли на одномъ мѣстѣ, а затѣмъ, видимо по командѣ, разомъ двинулись впередъ и пошли къ Балтійскому морю, выбрасывая и оставляя за собой цѣлыя огромныя стаи какихъ то птицъ, которыя упали на улицы и оказались обращеніями нѣмцевъ къ русскимъ на русскомъ языкѣ.

«Императоръ Германіи, гласили эти птицы, не хочетъ войны, не хочетъ жертвъ! Прибалтійскій край издавна принадлежитъ нѣмецкому народу, потому что культурно имъ вполнѣ завоеванъ. Желанія самого мѣстнаго населенія побудили императора пойти снять иго русскихъ.

Да не споритъ русскій народъ объ этой небольшой части своихъ неизмѣримыхъ владѣній, да признаетъ онъ, что миръ—счастье народовъ и что Германія была всегда другомъ Россіи! Мѣра справедливости—лучшая мѣра, и Германія съ уваженіемъ остановится передъ настоящими русскими границами, если русскіе будутъ справедливы.

Русскіе люди, ваши жизни сегодня были въ рукахъ нѣмцевъ, но нѣмцы не воспользовались своими преимуществами, потому что нѣмцы не враги русскихъ: печальная необходимость руководитъ нѣмцами!

Императоръ Германіи увѣренъ, что вы безъ ропота склонитесь передъ Высшей волей, осуществляющей цѣли помимо воли даже цѣлыхъ народовъ.

Призывайте правительство къ миру, ибо второе наше появленіе будетъ для вашихъ семействъ роковымъ!

Миръ, миръ, миръ!»

Нѣмецкія птицы съ такимъ манифестомъ почему то ни словомъ не обмолвились о русской Польшѣ, въ которую вступали въ полдень нѣмецкія войска. Бѣлыя птицы, вѣроятно, пока летѣли, утеряли часть ввѣреннаго имъ багажа и русскіе люди лишились возможности понять императора Германіи какъ слѣдуетъ.

Великодушный врагъ еще разъ остановился на горизонтѣ столицы, точно ожидая, не позовутъ ли его на заключеніе мира и не восплещутъ ли русскія овцы гуманности германскаго императора, но не дождавшись ни призыва, ни отвѣта, дирижабли тихо сдвинулись съ якоря и на этотъ разъ окончательно.

Цѣпь нѣмецкихъ миноносцевъ уже тянулась по Балтійскому морю къ нимъ навстрѣчу, будучи готова принять на бортъ команду дирижаблей.

Населеніе Петербурга узнало разомъ и объ объявленіи войны и объ уже состоявшемся переходѣ нѣмецкихъ войскъ черезъ русскую границу и о разгромѣ русскаго воздушнаго флота.

Какимъ огромнымъ бѣдствіемъ для Россіи должна была стать эта начинавшаяся война, ясно было каждому жителю столицы, ибо всѣ знали о достоинствахъ

и преимуществахъ нѣмецкаго войска и у всѣхъ встала въ памяти ужасная война съ японцами.

Происходило во всей столицѣ то, что называется переполохомъ. Люди, ни мало себя не обнадеживая, сказали себѣ, что оставшись жить въ столицѣ, они станутъ теперь жить на вулканѣ, который въ любую минуту можетъ поднять ихъ до облаковъ и даже не поднимая испепелить. И вотъ тѣ, кому позволяли средства, стали спѣшно уѣзжать изъ столицы, часто далекими, окружными путями, въ англійскія и французскія владѣнія Азіи или въ такія мѣста Россіи, которыя въ очень скоромъ времени не могли стать театромъ войны; мѣста въ этихъ случаяхъ выбирались малолюдныя, заброшенныя, которыя воздушный флотъ врага обходилъ бы какъ незаслуживающія его вниманія, не представляющія для него интереса, причиненіе вреда которымъ не могло бы отразиться на ходѣ войны.

Наиболѣе важное и цѣнное въ политическомъ смыслѣ все было вывезено изъ Петербурга.

Высшія государственныя учрежденія были переведены въ Москву, но правительство оставалось въ Петербургѣ и распорядительнымъ центромъ, на который обращено было вниманіе всей Россіи, былъ попрежнему Петербургъ. Большинство населенія столицы также осталось. Волненіе, тревога возрастали особенно ночью. Казалось, вотъ, вотъ полетятъ изъ облаковъ снаряды, и все милое, дорогое, къ чему такъ приглядѣлись, привыкли, все необходимое, послѣднее добро—все станетъ жертвой разрушенія.

На почвѣ этихъ еженощныхъ опасеній уже вскорѣ начались случаи сумасшествія. Постояннымъ явленіемъ стало то, что потерявшіе умъ, пронзенные, какъ стрѣлой, единой мыслью о смерти, летящей сверху на безвинныя головы, подолгу ходили и бѣгали по ули-

цамъ, прежде чѣмъ ихъ схватывали, и, разсказывая встрѣчнымъ о своихъ болѣзненныхъ кошмарныхъ видѣніяхъ, заставляли дрожать еще крѣпкія сердца. Не рѣдки стали случаи, когда вдругъ выскакивала откуда нибудь изъ дома мать со своимъ ребенкомъ и врѣзывалась въ густую толпу, мечущаяся и кричащая о томъ, что вотъ сейчасъ, въ то время какъ она сидѣла въ комнатѣ, нѣмцы бросили съ дирижабля снарядъ въ ея ребенка. У полоумной отнимали перепуганное дитя и везли ее къ десяткамъ другихъ дошедшихъ до такого же состоянія матерей.

Такъ за многія сотни верстъ давала себя чувствовать война вѣка авіаціи, и ни одна еще война не принимала на свою голову столько проклятій, какъ эта, и никогда еще до того времени и ни въ чемъ не были такъ солидарны богачи и бѣдняки, какъ въ этихъ проклятіяхъ.

Но какъ ни ужасны стали условія существованія, какъ ни навязывалась, какъ ни терзала мысль, что каждый часъ, каждую минуту можетъ быть убитъ или можетъ сойти съ ума любой близкій, дорогой человѣкъ, что каждую минуту можетъ быть разрушено все счастье, вся основа жизни, ни въ одной головѣ не появлялось мысли о мирѣ.

Такъ ясно и такъ понятно было каждому, что уступить нельзя, что уступить Прибалтійскій край и Польшу это значитъ уступить жизнь Россіи, ибо вслѣдъ за уступкой Германіи Россію обрѣжутъ и съ юга, и съ сѣвера, и съ востока, и съ другихъ частей запада, и то горе будетъ горше имѣющагося.

И еще одна мысль двигала сопротивленіемъ русскихъ людей: уступка Германіи означала бы побѣду злого духа человѣчества, побѣду грубой силы, торжество штыковъ, крушеніе свѣтлыхъ надеждъ народовъ и упроченіе противниковъ равенства и свободы.

Эта вторая мысль была особенно подхвачена прессой. Газеты всего міра забили въ набатъ и закричали однѣ о новыхъ римлянахъ, другіе о новомъ Наполеонѣ.

Простые русскіе люди, уразумѣвъ степень опасности германскаго нашествія, рѣшили по старомодному: въ лицѣ германскаго царя на Россію идетъ антихристъ. Повѣривъ такъ, они не могли приказать себѣ иначе, какъ сопротивляться. И этотъ само-приказъ былъ лучше всѣхъ другихъ приказовъ и призывовъ къ защитѣ родины. Всякій простой человѣкъ сталъ смотрѣть на воинскую службу, какъ на свой священный долгъ. Не было неохоты или отказа идти въ войско и въ этомъ отношеніи японская война не повторилась.

Было мрачное, но крѣпкое воодушевленіе, котораго не могли сокрушить неудачи, предполагавшіяся неотвратимыми.

Важность момента оцѣнили даже тѣ, кого испортила жизнь, или кто самъ ее испортилъ. Энергія людей не всегда мирится съ мирной обстановкой, въ которой оно не находитъ себѣ примѣненія и выходомъ изъ которой является совершеніе недозволеннаго, запрещеннаго, преступнаго; это энергія авантюристовъ, искателей приключеній, славы и сильныхъ ощущеній; война притягиваетъ эту энергію и поручаетъ ей часто весьма опасную работу; энергія эта преисполняется величайшей жаждой, когда война получаетъ особенное значеніе въ глазахъ народа, ибо отличиться въ такой войнѣ значитъ запасть въ народную память.

Въ первые же дни войны обнаружилось, что война принята народомъ и развертывается какъ событіе исключительной важности и объявленные наборы пошли быстро и успѣшно.

Поѣздъ, на которомъ вернулся въ Россію русскій посланникъ, былъ послѣднимъ изъ Германіи поѣздомъ.

Послѣ него русская граница была объявлена нѣмцами закрытой для сношеній. Неожиданно и искусственно прерванная пограничная жизнь въ ужасѣ замерла. Коренное русское населеніе бросало десятками лѣтъ насиженныя мѣста со всѣмъ нажитымъ и на чемъ попало уѣзжало въ глубь страны. Страшное ожиданіе неизвѣстнаго воцарялось въ нашемъ западномъ краѣ.

Разбросанные по мѣстечкамъ и медвѣжьимъ угламъ часто мелкими частями, защитники Россіи не всюду сразу узнавали о коварно врасплохъ начатой войнѣ. Одна изъ такихъ частей, стоявшая въ городѣ, носившемъ только названіе города, а въ дѣйствительности ничѣмъ не отличавшемся отъ большой деревни, получила это извѣстіе, какъ это ни странно для двадцатаго вѣка, непосредственно отъ непріятеля.

Одинъ современникъ такъ описалъ этотъ случай:

„Затертый въ чинахъ пожилой капитанъ Тихонравовъ парился въ деревенской банѣ. Онъ изо всей силы хлесталъ себя вѣникомъ и съ задранными ногами вертѣлся на полкѣ, когда въ дверяхъ всталъ блѣдный какъ полотно фельдфебель Остаповъ и испуганно по звѣрски рявкнулъ:

— Ваш-родіе, къ селенію подходитъ непріятель!

Тихонравовъ опустилъ одну изъ задранныхъ ногъ, повернулъ лицо къ фельдфебелю, и, плохо разглядѣвъ того сквозь паръ, засмѣялся всѣми своими морщинками.

— Ахъ, ты бестія! На самомъ интересномъ мѣстѣ поймалъ: лѣвую ягодицу только распаривать началъ. У меня въ нее ревматизмъ запущенъ лѣтъ двадцать. Попаришь — и ничего съ недѣлю, другую. Поддайка свѣженькаго, чтобы какъ въ маслѣ закипѣть.

— Я въ серьезъ, ваш—родіе! Безъ всякаго обмана! Безъ числа нѣмцы прутъ самымъ непримиримымъ

образомъ; дневальные господъ офицеровъ и людей сзываютъ по моему распоряженію.

— Чего-о?

Тихонравовъ на этотъ разъ опустилъ обѣ ноги и съ серьезнымъ видомъ сѣлъ на полкѣ, силясь лучше разглядѣть своего подчиненнаго.

— Эхъ, паря, паря! Сто тысячъ разъ упреждалъ: брось сивую, прогнѣвишь Бога... Ну, да что съ тобой теперь толковать: теперь ты вродѣ какъ бы дуракъ!

— Ваш—родіе, дозвольте штаны однѣ надѣть — взглянуть самимъ.

Вдругъ и наружная дверь распахнулась и осталась открытою; всю внутренность бани обдало холоднымъ вѣтромъ, и глазамъ капитана предсталъ поручикъ 5-ой роты Милашевъ.

— Да что у васъ, Андрей Ивановичъ, вся рота что-ли нынче съума посходила? Закройте дверь-то, крикнулъ вошедшему Тихонравовъ.

— Семенъ Евстифѣевичъ, положительно ничего не понимаю, но къ намъ подходитъ нѣмецкій отрядъ.

Тихонравовъ не торопясь слѣзъ съ полка и, выразительно покрутивъ пальцемъ около своего лба, мрачно проговорилъ:

— Остаповъ, у меня горячка, подай штаны.

— Г. капитанъ, началъ снова Милашевъ, увѣряю васъ, что всѣ мы въ здравомъ умѣ и твердой памяти, какъ говорится, но что-то въ мірѣ случилось, о чемъ до насъ еще не дошло что-ли. Обѣ роты стоятъ и смотрятъ съ раскрытыми ртами, какъ тѣ идутъ.

— Кто тѣ? сердито спросилъ Тихонравовъ.

— Нѣмцы!

— Ну, знаете, поручикъ, если это товарищеская шутка, такъ я васъ не поблагодарю, отрѣзалъ Тихонравовъ.

— Да вы только выйдите.

Тихонравовъ (онъ взволновался и отъ волненія у него сильно заколотилось сердце и мысли спутались) не обтеревшись, торопливо надѣлъ прямо на разгоряченное тѣло мундиръ и порывисто вышелъ изъ бани. Милашевъ забѣжалъ впередъ и повелъ въ сторону отъ протоптанной дорожки на бугоръ. Добѣжавъ, онъ протянулъ руку на сѣверъ и, давясь отъ горловой спазмы, показалъ:

— Смотрите!

Тихонравову не нужно было долго смотрѣть, чтобы узнать нѣмцевъ. Къ мѣстечку, въ которомъ онъ стоялъ съ двумя ротами, въ полуверстѣ отъ него, сдержаннымъ шагомъ шли по дорогѣ длинные и широкіе черные ряды вооруженныхъ людей. У Тихонравова былъ особый признакъ, по которому онъ распознавалъ своихъ солдатъ отъ чужихъ: не форма, а характеръ походки, и этотъ характеръ былъ хорошо ему извѣстный у нѣмецкихъ солдатъ.

— Если сейчасъ появится огненная колесница съ огненными конями и схвативъ меня помчитъ живымъ на небо, я не удивлюсь, проговорилъ Тихонравовъ.

— Что же намъ все таки дѣлать? спросилъ Милашевъ, безпомощно взглянувъ капитану въ самые глаза. Тихонравовъ уловилъ этотъ взглядъ и прожегъ поручика своимъ.

— Фронтовой огонь, поручикъ!

— Но, г. капитанъ, не вышло бы недоразумѣнія. Можетъ быть...

— Можетъ быть, поручикъ, пока я парился, баню то мою Россія отдала нѣмцамъ? Такъ, что-ли? Это что ли можетъ быть? Да откуда это вамъ, поручикъ, извѣстно, чтобы по территоріи государства разгуливали чужіе отряды? Остаповъ, пусть подумаетъ г. пс-

ручикъ, а ты изготовь людей къ огню. Я самъ сейчасъ бѣгу.

Тихонравовъ при всей своей тучности пустился вприпрыжку къ дому, гдѣ стоялъ, а черезъ пару, другую минутъ въ полномъ вооруженіи осторожно выводилъ роты за селеніе, намѣтивъ обстрѣлять нежданныхъ враговъ съ фланга.

Онъ уже помирился съ поручикомъ и теперь передавалъ ему свои мысли.

— Вотъ вамъ матушка Россія въ двадцатомъ вѣкѣ. Будь это попозднѣе вечеромъ, меня бы прямо въ банѣ, какъ дурака какого, въ плѣнъ взяли, и навѣрно бы повезли въ Берлинъ и стали бы за плату всѣмъ показывать: не угодно ли, молъ, русскаго офицера посмотрѣть, который не зналъ про войну, пока мы ему въ ухо не крикнули.

Когда нѣмецкая колона подходила къ первымъ постройкамъ мѣстечка, когда уже не было никакихъ сомнѣній, что это нѣмецкіе солдаты, когда, наконецъ, и нѣмецкіе трубачи рѣзнули слухъ капитана чужестранной игрой, раздался первый залпъ солдатъ Тихонравова, скосившій нѣсколько десятковъ нѣмцевъ. Потомъ безъ перерыва началась стрѣльба пачками, и нѣмецкіе солдаты стали разбѣгаться, ища прикрытій. Спокойными остались только послѣдніе ряды, которые и кинулись на Тихонравова.

Въ горячей рукопашной схваткѣ Тихонравовъ сбросилъ разодранный нѣмцами мундиръ, схватилъ ружье убитаго рядомъ съ нимъ солдата и, напирая голой грудью, съ остервенѣніемъ кололъ врага штыкомъ, пока ударъ прикладомъ не свалилъ его, пронизаннаго штыками и револьверными пулями.

Когда онъ очнулся, спускались сумерки, было уже тихо. Два нѣмецкихъ санитара хлопотали надъ нимъ. Онъ выразилъ желаніе приподняться. Санитары ему

помогли. Кругомъ валялись изуродованные трупы своихъ и чужихъ, а въ десяти шагахъ стояла кучка нѣмецкихъ офицеровъ. Послѣдніе, увидѣвъ приподнимавшагося Тихонравова, двинулись къ нему. Тихонравовъ вдругъ чего-то заторопился, зашарилъ, и не успѣли санитары сообразить, какъ онъ откуда то выхватилъ револьверъ и началъ всаживать пулю за пулей въ приближавшуюся группу. Санитары отшатнулись и Тихонравовъ упалъ навничь. Глаза его запрыгали, онъ весь задрожалъ и, когда одинъ изъ офицеровъ группы подбѣжалъ къ нему и выстрѣлилъ ему въ голову, онъ еще раза два передернулся и отдался смерти.

Уже послѣ того, какъ были открыты военныя дѣйствія, уже послѣ того, какъ были принесены и человѣческія жертвы богу войны, когда нѣмецкая армія двигалась уже по русской территоріи, адъютантъ германскаго императора привезъ русскому государю въ Петербургъ письмо слѣдующаго содержанія:

«Ваше Величество! Судьбами народовъ только руководятъ ихъ государи, но судебъ этихъ не создаютъ. Поэтому лично они отвѣтственны только тогда, когда предпринимаютъ дѣйствія, не угадавъ народныхъ желаній и не внявъ имъ.

Я всю мою жизнь посвятилъ выясненію того пути, который начертанъ Провидѣніемъ моему народу. Впродолженіе многихъ лѣтъ я провѣрялъ свой выводъ и, хотя ничто не опровергало его правильности, но только теперь, когда единодушіе моихъ подданныхъ поразило меня, когда въ каждомъ нѣмцѣ я увидѣлъ самого себя, я понялъ, что мечъ войны поднятъ не по одной моей волѣ, что я былъ по волѣ Всевышняго только невольнымъ фокусомъ, въ которомъ слились по присущему мнѣ положенію завѣтныя мечты милліоновъ людей. Какъ монархъ германскаго народа, я

полагаю, что я совершилъ бы преступленіе, если бы, угадавъ эти народныя желанія, оцѣнивъ ихъ осуществимость и всю пользу отъ ихъ исполненія, я пренебрегъ ими. Ваше Величество преисполнены теперь сознаніемъ долга защитить свой народъ, поставить врагу препоны. Ничѣмъ инымъ, какъ только интересами моего народа, руковожусь и я, имѣя твердое намѣреніе продолжить до желаннаго конца войну съ Россіей. Однимъ сознаніемъ долга передъ своимъ народомъ преисполненъ и я въ настоящій моментъ.

Позвольте мнѣ, дабы Ваше Величество имѣли возможность понять всю серьезность этого моего утвержденія, указать на примѣръ изъ исторіи русскаго народа, когда положеніе государя почти не отличалось отъ моего, на примѣръ Великаго Петра, который считалъ, что онъ, по обстоятельствамъ своего времени, долженъ достичь Балтійскаго моря. Сколь велика была нужда Россіи въ то время въ нынѣшней столицѣ Вашего Величества, столь же остра потребность Германіи въ настоящій моментъ въ Прибалтійскомъ краѣ.

Я началъ войну безъ предварительныхъ переговоровъ съ вашимъ правительствомъ, имѣя въ виду полную невозможность для Россіи отдать желаемую нами область безъ боя. Я приказалъ начать ее безъ оповѣщенія вашего правительства, дабы, въ виду тщетности безоружнаго сопротивленія, правительство Вашего Величества имѣло передъ русскимъ народомъ оправданіе своихъ дѣйствій, когда оно приступитъ къ ликвидаціи нынѣшнихъ отношеній Россіи къ Германіи.

За методъ войны отвѣтственъ я лично, но я не могъ избрать пути болѣе труднаго, болѣе дорогого и болѣе кроваваго, почему и пошелъ тѣмъ путемъ, который вызвалъ нареканія.

Я питаю надежду увѣрить настоящимъ письмомъ Ваше Величество въ отсутствіи съ моей стороны ка-

кого либо чувства непріязни въ нашихъ личныхъ отношеніяхъ, порожденнаго войной.

По волѣ судьбы мы поставлены другъ противъ друга съ опущенными забралами. Свято исполняя свой долгъ, мы можемъ не жаждать крови другъ друга въ сознаніи святости совершаемаго, каждымъ изъ насъ. Поддержаніе нашихъ прежнихъ отношеній, которыми жаловали меня Ваше Величество, только облегчитъ задачу окончанія войны, каковое отнынѣ составитъ нашу общую цѣль и какового, повѣрьте, Германія жаждетъ не меньше, чѣмъ Россія.

Въ заключеніе я смѣю подчеркнуть, что намѣреніе германскаго народа владѣть Прибалтійскимъ краемъ, намѣреніе, запечатлѣнное уже его кровью, неистребимо, и отъ намѣченной цѣли войны онъ не откажется также, какъ если бы Прибалтійскій край уже сталъ частью его владѣній.

Дипломатическіе переговоры въ настоящее время должны имѣть это въ виду и, категорически скажу, только это. Германія другихъ желаній въ началѣ войны не имѣетъ.»

Это странное отъ начала до конца посланіе съ ясно выраженной въ немъ тенденціей запугать успѣха не имѣло. На него не было даже дано отвѣта, и оно осталось въ исторіи лишь лишнимъ показателемъ эксцентричной натуры германскаго монарха.

У германскаго императора былъ особый планъ въ отношеніи продовольствія войскъ. Послѣднимъ было строго запрещено даже покупать провіантъ у мѣстнаго населенія. Все должно было быть доставляемо изъ старой Германіи, изъ тѣхъ огромныхъ милліонныхъ складовъ, которые выросли передъ войной подъ видомъ частныхъ предпріятій, и пока росли, не были ни кѣмъ замѣчаемы.

Нѣмецкое войско получало удивительный столъ, гораздо лучшій, чѣмъ въ мирное время, когда кормили сытно и здорово, но все же иными количествами и безъ той заботы о вкусѣ, отсутствіе которой всегда ощущалось полковыми гастрономами и которая появилась только теперь—словно патріотизмъ захватилъ и кашеваровъ.

Запрещеніе пріобрѣтать провіантъ на мѣстѣ имѣло цѣлью расположить населеніе къ нѣмцамъ, удержать его на насиженныхъ мѣстахъ. Нѣмцы сильно хотѣли получить обѣтованную землю въ мирномъ, цвѣтущемъ нарядѣ.

Были приняты и другія мѣры, чтобы не раздражать населенія.

Шли не варвары съ жаждой разрушенія, знающіе только себя, не громоносныя войска, несущіе съ оружіемъ месть, грозящія мечомъ и сыплящія огнемъ... Шли обдумавшіе каждый шагъ люди, стараясь не выходить изъ рамокъ установившейся на мѣстахъ жизни, стараясь не мѣшать этой жизни, шли часто съ извиненіями за причиняемое безпокойство, люди, какъ бы только проходившіе мимо, какъ бы только по необходимости, для которыхъ цѣль была не въ тѣхъ пространствахъ, по которымъ они шли, а гораздо дальше, цѣль, достиженіе которой не отразится на тѣхъ, мимо кого сейчасъ проходятъ полки... Волки шли въ овечьей шкурѣ, хорошо сшитой... Шли тонкіе политики... Почтительное отношеніе, безукоризненное обращеніе, внимательная заботливость, щепетильная аккуратность—вотъ съ какой стороны показывали себя нѣмцы. Русскіе были поражены нѣмецкой сдержанностью и удивлялись эльзасскимъ французамъ, которые, послѣ изъ ряда вонъ выходившей предупредительности нѣмцевъ, стали считаться нами за людей чрезвычайно капризныхъ характеромъ и неуживчивыхъ.

Но были и такіе русскіе, которые смотрѣли не на воспитанность нѣмцевъ, а на то, какъ русскія земли оставались все больше и больше за нѣмецкими спинами, которые не вѣрили въ далекую отъ нихъ самихъ цѣль будто бы уходящихъ нѣмцевъ и которые были въ томъ убѣждены, что когда нѣмцы пойдутъ обратно, они охотнѣе покажутъ себя грабителями съ большой дороги и теперешняя ихъ предупредительность обратится въ поспѣшную расправу. То были люди, вѣрившіе въ конечный успѣхъ Россіи, и эти люди, если они оставались въ тылу нѣмецкихъ отрядовъ, то оставались съ единой цѣлью подготовить врагу достойное отступленіе. Это были люди съ волей, люди нѣмые какъ могилы. Они не кланялись нѣмцамъ, не выпрашивали себѣ привиллегій и нѣмцы не замѣчали ихъ увлеченные собственнымъ обаяніемъ, которое послѣ арміи и воздушнаго флота считалось ими въ данной войнѣ третьей могучей силой.

Были русскіе и такого порядка, какого бываютъ во всякой странѣ, во всякомъ домѣ, на который налетаютъ хищники, а обитатели котораго не желаютъ терпѣть ихъ ни одной лишней минуты. Эти люди сами ищутъ предлога сцѣпиться, отплатить за нарушенный покой. Если бы врагъ своевременно ушелъ самъ, не принеся вреда и безъ желанія вновь вернуться, эти люди все таки послали бы ему вдогонку хоть нѣсколько камней, «чтобы не давать повадки». Для нихъ нѣтъ ничего тяжелѣе мысли, что врагъ считаетъ ихъ покорными себѣ, готовыми ползать передъ нимъ на колѣняхъ, считаетъ и ихъ добро и ихъ самихъ своимъ. Для такихъ людей нѣмецкая предупредительность была весьма заманчивой мишенью Они были до нельзя грубы съ лойяльнымъ врагомъ.

Разсказывали про такой случай.

Нѣкій малый—крѣпкій собственникъ—будучи наслышанъ о томъ, что „нѣмцы скорѣй друзья, чѣмъ враги“, взялъ пятерыхъ своихъ работниковъ и три дня рылъ канавы на шоссейной и на сосѣднихъ проселочныхъ дорогахъ по которымъ должна была пройти одна изъ непріятельскихъ колоннъ. Онъ былъ такъ увѣренъ въ успѣхѣ своихъ работъ, что говорилъ селу: «дальше нашей деревни ни одинъ чертъ не пойдетъ—такого я имъ натворилъ. Будутъ благодарны!» Каково же было его изумленіе, когда въ одинъ изъ слѣдующихъ дней пріѣхавшій кавалерійскій отрядъ избралъ мѣста его разрушительныхъ работъ полемъ своихъ упражненій. Онъ не зналъ, что дѣлать, но еще утѣшался тѣмъ, что пѣшимъ то солдатамъ тутъ во всякомъ случаѣ придется кончать походъ. Но когда и пѣшіе солдаты точно оголтѣлые бросились врассыпную на созданныя препятствія и черезъ нѣсколько минутъ и они ихъ взяли, нашъ малый налился кровью, забѣжалъ впередъ перенесенной на рукахъ артиллеріи, и когда та рысью понеслась по цѣльному пути, онъ легъ посередь дороги въ узкомъ мѣстѣ, точно думая задержать артиллерію своимъ тѣломъ. Орудійныя лошади на минуту остановились, но вслѣдъ затѣмъ орудійная прислуга схватила нашего малаго и пыталась было отнести его въ сторону на время проѣзда, но онъ въ рукахъ нѣмцевъ озвѣрѣлъ до того, что завылъ отъ злобы и сталъ кусать и царапать охватившія его руки и, такъ какъ былъ къ тому силы исключительной, то вслѣдъ засимъ вставъ на ноги началъ кулаками косить враговъ, вращаясь въ навалившейся на него грудѣ какъ скользкій мячъ. Подъ руки ему попало какое то оружіе, онъ схватилъ его, отличилъ черезъ боровшуюся съ нимъ толпу кричавшаго офицера, ринулся на него и, разомъ оставивъ позади всю толпу, ударилъ офицера что было

силы по виску. Тотъ рухнулъ неожиданно для безумнаго храбреца, который на минуту замѣшкался— этого было довольно, чтобы его свалили и избивъ связали. Къ вечеру крестьяне ходили смотрѣть разстрѣлянный трупъ малаго, который былъ оставленъ привязаннымъ у столба ушедшими дальше нѣмцами.

Россія напрасно съ тревогой съ минуты на минуту ожидала появленія непріятеля надъ головами своихъ жителей на воздушныхъ судахъ, напрасно ежесекундно опасалась человѣческаго грома изъ неба.

Изъ арміи приходили частыя сообщенія о развѣдочныхъ воздушныхъ судахъ непріятеля, но въ глубь Россіи эти суда не пытались проникнуть.

Причины, въ силу которыхъ воздушный непріятельскій флотъ не появлялся въ глубинѣ Россіи, были не техническаго характера.

Выше уже было указано, что войну въ Россію несли не зарвавшіеся авантюристы, а разсчетливые политики, про которыхъ справедливо было бы сказать, что они семь разъ примѣрили, прежде чѣмъ рѣшились отрѣзать.

Германскій императоръ, идя на Россію, оглядывался назадъ.

Онъ серьезно полагалъ, что Англія и Франція не вмѣшаются, если онъ только «нѣсколько отодвинетъ» Россію къ востоку, но что, если онъ приступитъ къ разгрому, какого не знала ни одна война, то тогда вызоветъ возмущеніе и нейтральныхъ пока враговъ, которое будетъ стоить національнаго подъема. Нежеланіе имѣть вмѣсто одного угнетеннаго трехъ ожесточенныхъ враговъ было первой причиной, удержавшей завоевателя отъ «избіенія младенцовъ», какъ онъ выражался о войнѣ съ помощью активнаго воздушнаго флота.

Кромѣ того, ходъ событій не требовалъ чрезвычайныхъ средствъ по отношенію къ непріятелю, который хоть и не быстро, хоть и съ борьбой, но очищалъ и очищалъ намѣченную завоевателемъ область, дальше которой не предполагалъ итти самъ завоеватель.

Да наконецъ воздушный флотъ сыгралъ уже отчасти свою роль, онъ уже произвелъ свое воздѣйствіе на психику русскихъ. Германскій императоръ хорошо зналъ, что за настроеніе царило въ русскихъ городахъ отъ предположенія, что вотъ появится воздушный непріятель. Онъ зналъ, что русскіе люди учли фактъ уничтоженія русскаго воздушнаго флота именно въ сторону желанія нѣмцевъ безпрепятственно испепелить всю Россію.

По всѣмъ этимъ причинамъ завоеватель не пускалъ своего воздушнаго флота дальше развѣдокъ.

Но этихъ причинъ не знали русскіе люди. Имъ рисовалась фигура завоевателя-звѣря, дѣйствующаго съ однимъ разсчетомъ уничтожить побольше враговъ терроризовать ихъ, завоевателя, который единственно по капризу бросилъ свои силы на Россію и капризъ котораго и есть законъ войны.

И страхъ царилъ безпредѣльно. Страхъ этотъ становился ужасомъ по ночамъ, и съ каждой новой ночью прибывалъ въ своей силѣ.

Не разъ и не въ одномъ мѣстѣ, а почти ежедневно и повсюду находились люди, которые вдругъ поднимали крики о томъ, что они уже видятъ приближающагося по воздуху непріятеля. Поднималась суматоха. Росли крики отчаянія. Неслись проклятія врагу своей жизни. Стонъ вставлалъ надъ людскими поселеніями. И вдругъ оказывалось, что за непріятеля приняли облака особенной формы, или стаю птицъ, а то просто предметы на горизонтѣ, можетъ быть десятки лѣтъ

стоявшіе на тѣхъ самыхъ мѣстахъ и только прежде не замѣчавшіеся.

Въ то время какъ германскія войска все подвигались и подвигались впередъ по давно выработанному и давно крѣпко затверженному плану и съ такой точностью, какъ будто это были не огромныя войска на войнѣ, а небольшая семья, путешествующая по опредѣленному маршруту въ самыхъ мирныхъ условіяхъ, русскія силы еще не формировались. Про нихъ можно было сказать, что пока они только скоплялись, и это было самое вѣрное опредѣленіе, потому что знали, что разъ война, то нужны войска, и этихъ войскъ нагоняли сколько можно было, но не знали, какъ распорядятся этими войсками. Попробовали было, размѣщать войска по заранѣе составленнымъ примѣрнымъ планамъ обороны, но, во первыхъ, всѣ эти планы не были разсчитаны на неожиданную войну и показывали какъ дѣйствовать какъ говорится «отъ печки», т. е. отъ границы, а граница была уже далеко за врагомъ; во вторыхъ, этихъ плановъ было чрезвычайно много и каждый имѣлъ своихъ защитниковъ—каждый защищалъ то, что онъ лучше изучилъ; а въ третьихъ, какой планъ ни брали, врагъ точно уже зналъ его, ибо своими дѣйствіями не шелъ на встрѣчу ни одному. Безпорядокъ въ совѣщаніяхъ о единомъ планѣ войны былъ страшный. Споры ожесточились до того и до того спорщики не находили точекъ соприкосновенія въ своихъ планахъ и такъ часто мѣнялись одними и тѣми же спорщиками ихъ собственные планы—въ зависимости отъ новыхъ дѣйствій врага и новыхъ оборотовъ споровъ, что въ столь интимное дѣло вплелась даже пресса, увлекшая за собой едва-ли не всѣ круги общества.

И такъ какъ не было одобрено высшею властью ни одного плана, то не было еще и единаго распорядителя русскихъ войскъ. Скопляла послѣднія, такъ сказать, будничная власть, частью какъ подсказывалъ здравый смыслъ. частью какъ наружно проявлялъ себя врагъ, частью какъ позволяла обстановка и средства, часто полезно, нерѣдко ошибочно, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ поставленные въ опасное положеніе отряды сами собою, не спрашивая чьихъ либо совѣтовъ и не ожидая приказаній, инстинктивно передвигались или старались попасть въ лучшія для себя условія, полагая, что тѣмъ самымъ они улучшаютъ и планъ обороны.

Мы отступали, изрѣдка пользуясь мелкими промахами врага, но эти промахи почти не задерживали его и врагъ снова и снова «напиралъ».

Хотя не только не происходило чего либо крупнаго между воюющими сторонами, но и не предвидѣлось въ близкомъ будущемъ, тѣмъ не менѣе русскія войска жили полной жизнью войны, тревожной и сумбурной.

Громъ артиллерійскаго огня, то вражескаго, то нашего, на протяженіи десятковъ верстъ, не прекращавшійся уже ни на минуту черезъ $1^1/_2$ недѣли послѣ перехода врагомъ границы, создалъ атмосферу достаточной опасности.

Непрерывное движеніе военныхъ силъ опьяняло, путало мысли, выбивало изъ колеи. Работало все, начиная съ людей и лошадей и кончая автомобилями, телефонами и барабанами. У врага работали и воздушныя суда. При видѣ ихъ вспоминали огромный воздушный флотъ притивника и представляя, точно тѣломъ ощущая, несомыя имъ опасности, безсильно скрежетали зубами, разрываясь въ душѣ отъ досады за глупо погибшій флотъ Россіи.

*

И когда накипала эта досада, и когда мысль прояснѣвала и отчетливо видѣлся на картѣ уже пройденный путь отступленія, а въ ушахъ не переставая гремѣла канонада вражескихъ пушекъ, больше торжествующая, чѣмъ опасная, тогда не одна душа горѣла сухимъ огнемъ смѣшаннаго отчаянія и смѣлаго бреда и не одна голова въ концѣ концовъ начинала биться лбомъ о стѣну и изрыгать проклятія.

Когда нѣмецкія войска послѣ многочисленныхъ стычекъ и мелкихъ боевъ съ отдѣльными русскими отрядами, упорно отстаивавшими каждую пядь и мало по малу сливавшимися на глазахъ у нѣмцевъ въ одну большую глыбу, заняли N...овъ, въ передовую нѣмецкую армію прибылъ императоръ.

Майское солнце ослѣпляло.

Зорко вглядывались глаза императора и въ глаза солдатъ, и въ ихъ наряды, и въ ихъ маршировку, и въ движенія рукъ, головъ. Онъ отдавалъ неожиданныя команды, боясь поймать ихъ на неудачномъ маневрѣ, на «вывихѣ», какъ онъ выражался. Онъ все дѣлалъ чтобы заставить солдатъ показать ему свое недовольство, или утомленіе, или оторопѣлость, или боязнь, если таковыя были. Какъ опытный хозяинъ осматриваетъ передъ скачками лошадь во всѣхъ мелочахъ и провѣряетъ ее во всѣхъ ея привычкахъ, такъ поступалъ со своими солдатами и императоръ, готовясь къ большому сраженію, которое, по его разсчетамъ, русскіе подготовляли.

Осмотръ начался утромъ, но только къ вечеру фигура императора отразила спокойствіе и увѣренно заулыбалось лицо. Онъ поздравлялъ и благодарилъ начальниковъ.

Но когда возвращался со смотра, опять почувствовалъ тревогу. Казалось было въ порядкѣ вещей,

что русскіе, застигнутые врасплохъ, сопротивляются враздробь, но бѣшенство, съ которымъ русскіе сражались, смущало его и, вспоминая количество уже павшихъ солдатъ, онъ вдругъ пугался при мысли, что до сихъ поръ не знаетъ плана войны русскихъ и упрекалъ себя за самоувѣренность.

Приходила на памятъ война съ Франціей.

Онъ спрашивалъ себя: «можетъ ли сравнить разныя эпохи?»

«Почему тамъ били навѣрняка?» вставалъ вопросъ.

«Пришлая, безталанная династія исковеркала войско. Вина за войну столько же лежала на нѣмцахъ, сколько на дворѣ. Европа, привыкшая къ воінамъ.... Да и на нѣмцевъ неособенно расчитывали, не ждали отъ нихъ того, что они сдѣлали....» думалъ императоръ.

«Съ Россіей не то. Для нея это священная война, которой она никогда не забудетъ, какъ не забыла отечественной».

Вспомнился императору отвѣтъ одного русскаго крестьянина, котораго онъ какъ-то встрѣтилъ на пути, также при возвращеніи со смотра. Разговоръ велся черезъ переводчка. Императоръ смотрѣлъ на бороду собесѣдника и удивлялся, какъ можно безъ помѣхи жить съ такими спутанными волосами и въ такомъ видѣ такъ здраво и спокойно разсуждать.

— Мы вамъ волю несемъ, сказалъ ему императоръ. Вами не умѣютъ управлять, васъ не понимаютъ Мы васъ выручимъ. Будете вы просвѣщены, не будете голодать, будутъ уважать васъ.

— Чтобы твои слова остались, тебѣ надобно умереть, а ты кажется не собираешься, загадочно сказалъ мужикъ.

Онъ понялъ этотъ отвѣтъ сразу. Захудалый мужиченка въ новомъ царствѣ повторилъ то, чѣмъ ему надоѣли въ старомъ. Слово «исчезни!» для него не

новое. Но чѣмъ чаще слышалъ онъ это слово, тѣмъ сильнѣе, тѣмъ упорнѣе становилось въ немъ желаніе доказать свою необходимость.

— Ты глупъ! повторилъ императоръ свой тогдашній отвѣтъ мужику. Но скоро и ты будешь рукоплескать мнѣ, какъ рукоплещетъ Германія.

— Иначе и быть не можетъ, прибавилъ онъ про себя. Этотъ народъ скоро будетъ моимъ и оцѣнитъ мои заботы, а кто, какой глава государства, какой министръ думаетъ такъ о своемъ народѣ, какъ я? И дни, и ночи, привычки и призваніе, здоровье и покой— все отдано ей, моей великой странѣ. И ты, сумѣвшая подняться надъ всѣми, и останешься таковой. И мнѣ ли сомнѣваться въ твоей побѣдѣ, въ твоихъ сынахъ?!

Волна увѣренности вновь охватила его и понесла....

Гдѣ то раздались бодрые звуки нѣмецкаго гимна.

— Да, ты выше, выше всего. Твой удѣлъ быть выше и тебѣ и еще надо подниматься, и счастливъ, и благословенъ тотъ, кто помогаетъ тебѣ въ этомъ!

Продолжительные поиски лица, способнаго занять отвѣтственный постъ главнокомандующаго русской арміей, многодневное обсужденіе всевозможныхъ кандидатуръ наконецъ принесли свои плоды. Высшая власть, остановила наконецъ свое утомленное вниманіе на одномъ человѣкѣ. Человѣкъ этотъ выдвинулся изъ за спинъ расшитыхъ золотомъ сановниковъ, отстранилъ соревнованіе связей и въ скромномъ, далеко не обремененномъ орденами мундирѣ, всталъ на глазахъ у всѣхъ съ простымъ русскимъ лицомъ въ ореолѣ только теперь открывшихся и незамѣченныхъ въ мирной обстановкѣ заслугъ и подвиговъ.

Подвергнутая обсужденію и критикѣ кандидатура эта спокойно выдержала испытаніе, и высокое назна-

ченіе было немедленно скрѣплено среди скрежета завистниковъ.

Печать выражала удовлетвореніе по поводу выбора.

«Но, писали газеты, мы не можемъ, не имѣемъ права сказать: съ этимъ назначеніемъ война вступаетъ въ новый, лучшій фазисъ. Если бы все заключалось въ томъ, чтобы дать арміи достойнаго руководителя! Если бы мы были грѣшны отсутствіемъ только такового! Но при неприглядности состоянія многихъ и многихъ сторонъ нашего войска, какъ можетъ честный гражданинъ взвалить гору отвѣтственности за дальнѣйшій ходъ войны на неповиннаго?!

Мы выражаемъ удовлетвореніе по поводу того только, что матеріалъ, изъ котораго еще можно извлечь выгоду, попадаетъ въ хорошія руки и не пострадаетъ отъ того, кому онъ отданъ, какъ это бывало».

Послѣ того какъ неожиданность нападенія Германіи утратила нѣсколько свою первоначальную остроту, міровое вниманіе стало отвлекаться въ сторону Франціи.

Какъ поступитъ союзница Россіи? Какъ реагируетъ она на новыя посягательства своего заклятаго врага?

Дѣлались самыя различныя предположенія, печатались самыя разнообразныя интервью, въ которыхъ истина ужасалась своему виду. Правительство ничѣмъ не обнаруживало своихъ плановъ, являя какой то мертвый ликъ. Разсужденія же общественнаго мнѣнія расходились.

Говорилось одними, что въ смыслѣ помощи Россіи Франція поставлена въ тупикъ. Отказаться отъ участія въ войнѣ—значитъ пожертвовать союзными отношеніями. Начать съ своей стороны войну, оттянуть часть силъ Германіи на себя, разрѣзать пополамъ планъ русской компаніи, только для того, чтобы раз-

рѣзать, Франція не можетъ, ибо какъ ни плохъ миръ съ Германіей, но онъ гарантируетъ отъ близкихъ опасностей. И даже та часть общественнаго мнѣнія, которая тянула правительство на сторону войны, предлагала обсудить вопросъ о помощи Россіи не съ точки зрѣнія «любовныхъ» (какъ выражался Жоресъ), отношеній къ Россіи или Наполеоновскаго зуда, а съ точки зрѣнія послѣдствій германскихъ успѣховъ для самой Франціи, съ точки зрѣнія того новаго пыла, который несомнѣнно проявится послѣ побѣдъ у императора вообще пылкаго.

Предложенія же за войну были двухъ родовъ: за войну немедленную и за войну по истеченіи нѣкотораго времени.

Войну немедленную предлагали тѣ, кто говорилъ, что прусская авантюра должна осѣчься сразу, такъ чтобы она осталась въ исторіи Пруссіи не ободряющимъ прецендентомъ, а устрашающимъ урокомъ, чтобы врагъ не то что отошелъ обратно, а отбѣжалъ бы скрѣпя зубы и прикусивъ языкъ. Сторонники немедленной войны предлагали отвѣтить на уничтоженіе русскаго воздушнаго флота истребленіемъ нѣмецкаго соединенными флотами Франціи и Англіи и притомъ истребленіемъ немедленнымъ и безпощаднымъ, на переходъ русской границы—форсированнымъ движеніемъ французскихъ корпусовъ на рейнской границѣ и занятіемъ англичанами германскихъ колоній. Эти люди въ конечномъ результатѣ предлагаемыхъ дѣйствій видѣли прусскаго орла подбитымъ по крайней мѣрѣ на одно крыло.

Другая часть сторонниковъ войны—не немедленной—считала необходимымъ дать Германіи втянуться въ русскую компанію, разжечь русскій народъ, дать времени ярче выявить хищническій обликъ Германіи и

всѣ опасности отъ ея гегемоніи, чтобы поднялись всѣ ея враги.

«Погодимъ», говорили эти люди: «постоимъ у фитиля, пока Англія сама не придетъ и сама не всыплетъ нетерпѣливо пороху въ нашу пушку; къ тому времени можетъ быть и Италія захочетъ посмотрѣть какъ мы будемъ стрѣлять».

Расходясь въ оцѣнкѣ времени принятія войны, обѣ партіи сходились въ главномъ—въ признаніи германской опасности и въ современномъ видѣ опасностью чрезвычайнаго калибра и совмѣстное битье ихъ въ набатъ выходило сильнымъ.

Сторонниковъ войны казалось было больше. Казалось, ихъ была большая часть населенія государства, ибо этимъ взглядомъ между прочимъ прикрывали и тѣхъ, кто выражалъ свое отношеніе къ войнѣ неопредѣленно, и тѣхъ, кто никакого отношенія не выражалъ.

Была и группа, вполнѣ сознательно не признававшая особой опасности новаго германскаго движенія.

— Что-жъ, говорила она, пусть мальчикъ растетъ, только не за нашъ счетъ.

— Но вѣдь потомъ-то примется и за васъ, возражали ей.

— Это трудно сказать. Зачѣмъ во всякомъ случаѣ предупреждать событія? Когда она за насъ примется, тогда и мы вскинемся. И потомъ, почему вы думаете, неожиданно перепрыгивали аргументаторы, что Россія такъ таки сдастся, такъ таки и погибнетъ?

И какъ ни старались интервьюеры и присяжные отгадчики, какъ ни забѣгали они со всѣхъ ходовъ къ имѣющимъ власть, печать могла сообщить вѣрно только объ одномъ: что Франція волнуется войной,

живетъ ея ожиданіемъ, лихорадочно работаетъ надъ своей боевой готовностью и пока что сдерживается.

Справедливость требуетъ отмѣтить, что были и пророки, которымъ и легко гадалось и легко вѣрилось. Эти пророки не обѣщали опредѣленныхъ событій, ибо они улавливали не самыя событія будущаго, а только ихъ духъ. Въ бурные періоды жизни народовъ въ воздухѣ носятся предчувствія ближайшихъ событій, продолжающихъ собой циклъ переживаемыхъ. Кто то увѣренно выводитъ въ мірѣ эту среднюю человѣческихъ предположеній, выводовъ и инстинктивныхъ предвосхищеній. Въ настоящемъ этотъ кто-то выводилъ и продолжалъ среднюю мрачнаго характера. Объ этой средней и говорили указанные пророки. И міръ готовился увидѣть новыя національныя потрясенія, новую игру міровыхъ силъ въ очередной схваткѣ народовъ, правительствъ, новыя революціи.

Общее же международное положеніе можно было охарактеризовать приблизительно такъ:

Франція боялась, чтобы нѣмцы не записали своихъ побѣдъ надъ русскими на спинахъ французовъ, и эта боязнь поддерживала ихъ напряженіе.

Италія не хотѣла быть осломъ Германіи, чтобы послѣ разгрома Россіи везти ее къ воротамъ Константинополя.

Австрія оскорблялась званіемъ «евнуха Пруссіи», день ото дня раздражалась отъ успѣховъ балканскихъ славянъ и исходила жаждой самостоятельной дѣятельности.

Англія, спокойная за свои внутреннія дѣла, потирала руки въ предвидѣніи той неожиданной помощи, въ которой она такъ нуждалась для своей борьбы съ Германіей.

Война продолжалась одинъ на одинъ.

Русская армія, безпрестанно тревожа врага отдѣльными стычками, досаждая ему на каждомъ шагу, отходила подъ безпрерывный громъ орудій и не принимала рѣшительнаго боя, какъ ни кричали о немъ и какъ ни требовали его Петербургскіе стратеги, тѣ самые, которымъ не удалось устроиться на театрѣ военныхъ дѣйствій на роли дѣйствующихъ лицъ. Къ нимъ присоединились тѣ статскіе, которые, не имѣя никакихъ данныхъ разсуждать о военныхъ операціяхъ, однако считали себя обойденными, если ихъ голосъ не раздавался достаточно громко по какому бы то ни было вопросу, возникавшему въ обиходѣ государственной жизни. У этихъ послѣднихъ было добросовѣстное убѣжденіе въ томъ, что русское войско, независимо отъ его вооруженія, отъ его подготовки, независимо отъ тѣхъ средствъ, которыми оно должно было располагать для успѣшныхъ дѣйствій, обязательно должно остановить нѣмецкое нашествіе, а коль скоро такое убѣжденіе у нихъ составилось, естественно было съ ихъ стороны желать, чтобы рѣшающее столкновеніе произошло безъ значительной задержки. Эти люди, увѣренно ждавшіе поворота кампаніи въ пользу Россіи, руководились не здравымъ смысломъ (здраво разсуждать они не были въ состояніи), а вѣрой въ историческія судьбы Россіи, основанной на славномъ прошломъ. Вѣра эта не указывала средствъ одолѣнія врага—о средствахъ она даже не поднимала разговора; по ней все на театрѣ войны какъ-то разомъ должно было опрокинуться безъ достаточныхъ видимыхъ основаній, и для людей этой вѣры не произошло бы ничего удивительнаго, если бы проснувшись въ одинъ прекрасный день они узнали бы изъ свѣжихъ газетъ, что русскіе помѣнялись съ врагомъ своимъ положеніемъ, а нѣмцы попали въ наши условія.

Эти двѣ группы—обойденные военные не у дѣлъ и статскіе указанной вѣры—и толкали Россію на рѣшительный бой.

И въ уютныхъ салонахъ, ругая оплошавшаго лакея, бранили заодно и русскаго главнокомандующаго, высказываясь, что не слѣдуетъ браться за дѣло только для того, чтобы получать многотысячный окладъ, что несомнѣнно, что то же положеніе которое теперь занимаютъ наши отступающія войска, они занимали бы и безъ главнокомандующаго, а можетъ быть и лучшее, если принять во вниманіе, что прежнее многоголосое обсужденіе замѣнилось теперь единоличнымъ усмотрѣніемъ, и увѣряли, что нѣмцы покажутъ себя такому предводителю за непонятное для нихъ самихъ промедленіе.

Удивительно было не то, что существовали подобные люди, а то, что руководясь только слѣпой вѣрой, они могли дѣлать тотъ нажимъ, который составляетъ несчастіе государствъ и который въ данномъ случаѣ шелъ въ разрѣзъ съ желаніями главнокомандующаго.

Почувствовавъ этотъ нажимъ, послѣдній, не ища кривыхъ путей и не маскируя своихъ мыслей, прямо отвѣтилъ, что онъ поступаетъ такъ, какъ поступать считаетъ своимъ долгомъ; что, находясь въ сердцѣ самыхъ военныхъ операцій, онъ не рискнулъ бы предписать себѣ на завтрашній вечеръ тѣ или другія движенія, а Петербургскіе совѣты приходятъ къ нему на третій день послѣ ихъ написанія; что особенно при нашихъ условіяхъ, нужно смотрѣть на войну хотя бы по крайней мѣрѣ какъ на биржевую игру—какъ нельзя играть, находясь за тридевять земель отъ биржи, на которой угодно играть, такъ нельзя воевать въ Польшѣ, выписывая совѣты изъ Петербурга; что если создадутся тѣ счастливыя условія, которыя

вѣроятно имѣютъ въ виду совѣтчики, онъ конечно ихъ не упуститъ; что на войну можно посылать только вождя, а не совѣты; что вождя можно смѣнить и что онъ проситъ избавить его отъ совѣтовъ и что думающіе иначе, чѣмъ онъ, могутъ пріѣзжать сами и устраивать сраженія, какія захотятъ за своею отвѣтственностью, а онъ всегда готовъ сложить съ себя свои обязанности.

Трудъ борьбы съ такимъ врагомъ, какъ нѣмецкое войско, былъ весьма тяжелъ.

Еще принимая командованіе, новый главнокомандующій зналъ, какое бремя взваливаетъ на свои плечи. Высшей власти, призвавшей его на отвѣтственный постъ, онъ прежде принятія писалъ между прочимъ:

«Не считаю себя въ правѣ ссылаться на Божье милосердіе и ожидать его, коль скоро произволеніе Божіе допустило подобное нашествіе.

Не жду ничего хорошаго. Море крови уже сейчасъ стоитъ передъ моими глазами. Не могу думать, чтобы германскій императоръ самъ отказался отъ той цѣли, которую поставилъ себѣ. Боевыя средства Россіи слишкомъ хорошо извѣстны въ сравненіи со средствами Германіи, чтобы расчитывать на нихъ, и съ этой стороны для нашего врага неожиданностей не будетъ. На предлагаемый мнѣ постъ я гляжу поэтому скорѣе какъ на эшафотъ. Къ сожалѣнію не было бы достаточно на сей разъ ни безумной храбрости, ни исключительныхъ способностей.

Хватитъ ли силъ у правительства наблюдать долгое отступленіе, можетъ быть пораженія, хватитъ ли у него мужества не взыскать за эти несчастія съ того, кого теперь призываютъ какъ на почетное мѣсто? Хватитъ ли еще терпѣнія не сказать врагу ни одного слова мира, пока онъ не оставитъ предѣловъ Россіи?

Способно ли правительство вполнѣ мнѣ довѣриться и не требовать отъ меня чудесъ? Если на всѣ эти вопросы послѣдуетъ рѣшительное «да», если правительство ждетъ отъ этой войны много испытаній, если я буду свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ, если и выборъ, и назначеніе, и устраненія пойдутъ черезъ однѣ мои руки—я готовъ принять высокое предложеніе. Наше разномысліе въ чемъ либо изъ сказаннаго въ семъ есть уже достаточный поводъ для того, чтобы я отказался отъ предлагаемой мнѣ чести. Тогда я буду просить о подчиненной роли.»

Высшая власть завѣрила тогда автора письма, что иного пониманія момента не можетъ быть, что на возникшую войну вся Россія смотритъ, какъ на національное несчастіе, что ему предоставляется полная свобода дѣйствій, о чемъ будетъ объявлено особымъ государственнымъ актомъ, что не можетъ быть и рѣчи о какихъ либо мирныхъ переговорахъ, что на посту главнокомандующаго нуженъ именно человѣкъ, сознающій всю отвѣтственность своего положенія, что правительство запаслось терпѣніемъ въ достаточной степени.

И вотъ прошло всего нѣсколько дней послѣ этихъ словъ и уже перемѣна, уже требуютъ чудесъ.

Главнокомандующій проводилъ ночь за ночью безъ сна въ ожиданіи новыхъ приказаній изъ Петербурга и мучился, какъ отъ жестокой болѣзни, отъ сознанія, что Россія даже теперь, даже въ чрезвычайной опасности, идетъ старымъ путемъ. У него были непосредственные свидѣтели новаго Петербургскаго настроенія, которые съ ужасомъ сообщали ему, сколько ходитъ разговоровъ въ столицѣ о «ремонтировкѣ» верховъ дѣйствующей арміи. Эти извѣстія чрезвычайно раздражали интенсивно работавшаго генерала и вы-

звали его на то рѣзкое письмо, содержаніе котораго изложено выше.

Прошло дней пять послѣ письма.

Петербургъ молчалъ.

Главнокомандующій рѣшилъ написать новое, на этотъ разъ «спокойное», какъ онъ выразился, письмо.

«Во первыхъ, писалъ онъ, Россія безъ флота—нѣтъ ни морского, ни воздушнаго.

Во вторыхъ, она безъ пушекъ.

Въ третьихъ, смотровъ у меня здѣсь не бываетъ, такъ что ея превосходительству кавалеріи дѣлать нечего, а кушаетъ она изрядно. Спасибо только казакамъ.

Куда мы пойдемъ съ одной пѣхотой? На что мы годимся, кромѣ разрушенія дорогъ?

Если и то влетаетъ врагу, будемъ благодарить Бога.

Не тайна что съ нѣкоторыхъ поръ его наступленіе, а нашъ отходъ происходятъ медленнѣе—и это уже успѣхъ.

Все время была опасность, что крѣпости останутся пустыми и вотъ удалось же намъ скопить тамъ приличные гарнизоны и снабдить всѣмъ, что нужно для сидѣнія.

Да, и отъ крѣпостей своихъ намъ придется отойти.

Если бы мы неосторожно пошли «рѣшительнымъ» путемъ, пошли по Петербургски, насъ много хватило бы на четыре дня, а на пятый день путь во всѣ концы Россіи былъ бы открытъ противнику. Если бы это было и не такъ—то слѣдуетъ ли рисковать?!

Позволяю себѣ повториться. Напрасно надо мной смѣются: училъ я и дальше Кутузова и несмотря на утвержденія моихъ противниковъ въ тылу, не выкинулъ изъ своего курса и періода между Кутузовымъ и Куропаткинымъ.

Принимая командованіе, я подробно излагалъ не только свои опасенія, но и свои расчеты, и свои чаянія. Я докладывалъ, что у насъ одинъ выходъ.—затянуть войну настолько, чтобы въ одинъ прекрасный день противниками Германіи оказались не мы одни, а цѣлыхъ трое. Мое предсказаніе, что параллельно съ наступленіемъ нѣмецкихъ солдатъ пойдетъ лихорадочное вооруженіе, дѣятельная подготовка къ войнѣ двухъ извѣстныхъ соперниковъ Германіи, отчасти оправдалось уже. Приготовленія эти несомнѣнно пойдутъ скоро открыто. Это будетъ означать: «мы готовы». Свою задачу я продолжаю понимать такъ: къ тому времени, когда упомянутыя державы изготовятся, у Россіи должны быть такія же свѣжія силы, какъ у нихъ; эту свѣжесть я имѣю въ виду, о ней вся моя забота. Мнѣ и здѣсь говорятъ: «Но тѣ державы, на которыя вы разсчитываете, не пойдутъ съ вами. Германія могла двинуться только тогда, когда она могла быть хорошо въ этомъ увѣрена». Вопросъ, слѣдовательно, въ томъ, кто изъ насъ ошибся: императоръ Германіи или я? Не знаю хода мыслей его, но свой мнѣ очень ясенъ, и въ цѣпи моихъ мыслей участіе въ русско-нѣмецкой войнѣ на нашей сторонѣ другихъ державъ—необходимое звено. И, если бы я не думалъ такъ, я не могъ бы не только сопротивляться врагу, но и не могъ бы жить, ибо конецъ великой Россіи былъ бы для меня слишкомъ ясенъ. Не я только хорошо понимаю, чѣмъ грозитъ намъ война съ Германіей одинъ на одинъ при нынѣшнихъ условіяхъ и при томъ, что нынѣ имѣютъ нѣмцы, и при томъ, что нынѣ имѣемъ мы. И только еще Австрія была бы рада нашему паденію. Всѣмъ остальнымъ мы нужны, даже Италіи мы нужны. Эта то нужда въ насъ и заставитъ поддержать насъ. Наше отступленіе полезно и съ другой стороны: оно говоритъ о нашей неувѣ-

ренности въ себѣ и тѣмъ торопитъ нашихъ будущихъ союзниковъ.

Россіи есть на что разсчитывать. Вопросъ можетъ итти только о томъ, есть тутъ или нѣтъ обиды для національнаго самолюбія, но это вопросъ уже несвоевременный.

Я боюсь одного: что къ отсутствію флотовъ, къ отсутствію путной артиллеріи прибавится отсутствіе яснаго плана; что сколоченному съ такимъ трудомъ войску будутъ издергивать нервы, бросая его туда и сюда, дразня попусту побѣдой и прячась при первомъ замѣшательствѣ; боюсь, что къ тому времени, когда придется сражаться для окончательнаго разсчета съ врагомъ, когда только и будетъ смыслъ въ рѣшительныхъ бояхъ, тогда въ лучшемъ случаѣ мы будемъ нулемъ, если уже не отрицательной величиной. А слѣдуетъ помнить, что мы только тогда нужны другимъ, когда на что нибудь способны. Корабли, пушки, аэропланы еще намъ дадутъ, но личныя средства должны быть у насъ самихъ».

Политическій нюхъ не обманулъ русскаго главнокомандующаго. Какъ Франція, такъ и Англія, скрывая свои намѣренія отъ всей Европы, производили осторожную работу по собиранію своихъ силъ. Было уже достигнуто и соглашеніе между этими державами на случай совмѣстныхъ операцій и выработанъ въ общихъ чертахъ планъ дѣйствій. Нѣмецкіе шпіоны, прозорливѣйшіе въ мірѣ, щедро разсыпанные по всей западной Европѣ еще до войны, на обязанности которыхъ лежало предупреждать Берлинъ о каждомъ шагѣ «мирныхъ враговъ Германіи», какъ называлъ императоръ Францію и Англію, доносили на родину о той тревогѣ, которая охватила Западъ передъ лицомъ русско-нѣмецкой войны и о непрерывномъ, но «повидимому

спокойномъ въ извѣстномъ смыслѣ» обмѣнѣ мнѣній правительствъ на злобу дня. О состоявшемся соглашеніи, а тѣмъ паче о выработкѣ плана кампаніи «на случай» свѣдѣній у нихъ не было, и Берлинъ гордо смотрѣлъ на самого себя.

Въ Петербургѣ частнымъ образомъ были запрошены посольства—французское и англійское—что думаютъ ихъ правительства по поводу войны, но ни то, ни другое не могли сообщить не только ничего рѣшительнаго, но и положительнаго.

«Точка зрѣнія правительства выясняется»—былъ согласный, заранѣе условленный отвѣтъ обѣихъ державъ на запросы собственныхъ Петербургскихъ посольствъ уже послѣ заключенія соглашенія.

Французское и англійское правительства рѣшили ничѣмъ не выдавать своего соглашенія до поры, до времени, пока не закончатся негласныя военныя приготовленія, и проявить исключительную осторожность въ дѣлѣ сохраненія его въ тайнѣ. Посему о немъ знало буквально нѣсколько лицъ.

Самое участіе въ войнѣ еще не было рѣшено отнынѣ союзными державами, участіе это представлялось неизбѣжнымъ, можно было сказать, что оно уже было принято кивкомъ головы, но формально вопросъ о немъ все же былъ оставленъ открытымъ. Условлено было разрѣшить его тогда, когда у обѣихъ державъ будетъ возможность не дальше какъ черезъ сутки по рѣшеніи выступить во всеоружіи.

Въ планъ будущихъ общихъ дѣйствій входило между прочимъ немедленное вступленіе въ связь съ русской арміей, доставленіе ей недостающей артиллеріи за счетъ Англіи и воздушнаго флота за счетъ Франціи, переправленіе во Францію 70.000 англійскихъ солдатъ, отвлеченіе Италіи отъ тройственнаго соглашенія договоромъ, гарантирующимъ желательное ей расши-

реніе ея предѣловъ, при необходимости даже за счетъ Австріи, и возстановленіе и поддержка балканскихъ государствъ противъ послѣдней.

Таковы были намѣренія «на случай».

А пока Франція стягивала войска, Англія флотъ, Англія спѣшно запасалась артиллеріей для Россіи и обѣ державы вмѣстѣ усиленно арестовывали нѣмецкихъ шпіоновъ, потерявшихъ свой обычный тактъ и пускавшихся въ чаяніи проникнуть въ государственные тайники на отчаянныя средства. Арестъ однихъ устанавливалъ нескромныя связи съ другими и дѣло уловленія шпіоновъ особенно во Франціи пошло такъ успѣшно, что межъ шпіоновъ появилась паника.

«Безсильные мстятъ», писалъ по поводу обильныхъ арестовъ проницательный имперскій канцлеръ своему патрону, понимая подъ «безсильными» французовъ. Канцлеръ держался того великосвѣтскаго убѣжденія, по которому выходило, что французы «не посмѣютъ» или «не рискнутъ» начать войну. Тѣмъ не менѣе онъ почему то настойчиво совѣтовалъ императору написать дружеское письмо въ Америку и въ одинъ прекрасный вечеръ самъ усѣлся за письма въ Австрію, Италію и Румынію.

Въ Петербургѣ почти одновременно съ полученіемъ послѣдняго письма главнокомандующаго французскій посланникъ испросилъ аудіенцію, которая немедленно была дана.

Посолъ заявилъ, что онъ уполномоченъ передать, что французское правительство живѣйшимъ образомъ выражаетъ чувство удовлетворенія по поводу тактики русскаго войска и, надѣясь въ скоромъ времени сообщить свои мысли по относящемуся предмету, проситъ русское правительство для обоюдной выгоды сохранить эту тактику на нѣкоторое время.

*

Попытка раскрыть это краткое загадочное явленіе, деталировать его не имѣла успѣха. Посолъ заявилъ, что къ сказанному добавить ему нечего.

Ничего не оставалось, какъ ждать, и русское правительство подчинилось уже необходимости, какъ вдругъ на другой день то же самое, почти слово въ слово, только не въ обстановкѣ аудіенціи, а въ частномъ визитѣ къ премьеръ-министру, повторилъ посолъ англійскій, и также и онъ уклонился отъ дальнѣйшихъ объясненій, съ улыбкой добавивъ въ отвѣтъ на разспросы: «имѣющій уши слышати да слышитъ».

Послѣ такихъ словъ занялись еще разъ письмомъ главнокомандующаго и нашли, что оно удивительно дополняетъ и даже поясняетъ заявленіе пословъ.

Этотъ неожиданный для многихъ выводъ сразу создалъ главнокомандующему кадръ приверженцевъ и вновь измѣнилъ Петербургское настроеніе. Въ Петербургѣ вдругъ стали увѣрено ждать, и въ согласіи съ новымъ настроеніемъ главнокомандующему было отправлено милостивое письмо съ выраженіемъ новаго довѣрія и съ завѣреніями, что никакого отклоненія отъ его плана не предполагается.

Настроеніе русской арміи, можно сказать, поправлялось.

Казавшееся въ началѣ войны ужаснымъ и непоправимымъ положеніе наше выяснялось теперь въ нѣсколько лучшемъ видѣ.

Правда, какъ тогда, такъ и теперь извѣстно было, что артиллеріи у насъ недостаетъ, что имѣющаяся уступаетъ по своимъ качествамъ нѣмецкой, что нашъ порохъ значительно хуже вражескаго, что никакого флота у насъ нѣтъ, но не было и разгрома, который почитался неизбѣжнымъ въ самомъ началѣ войны, войска сравнительно быстро собрались, съ назначе-

ніемъ главнокомандующаго получили организацію и необходимую для работы съ ними сплоченность; крѣпости которыя вначалѣ предполагалось бросить на произволъ судьбы, оказались и съ людьми, и съ провіантомъ и получили возможность тревожить врага съ тыла, если бы онъ захотѣлъ пойти дальше, даже при несомнѣнныхъ преимуществахъ врага. Замѣтили и то, что отступленіе совершается уже медленнѣе и не по всему фронту арміи, что нѣкоторыя наши части, хотя и клиномъ врѣзаются въ нѣмецкую армію, однако не страдаютъ сильно и представляютъ значительную преграду врагу, который изъ за этого сталъ останавливаться.

Слѣдуетъ указать при семъ, что нѣмецкая артиллерія имѣла равномѣрное распредѣленіе по всему фронту наступленія нѣмецкой арміи, причемъ одинъ изъ принциповъ наступленія состоялъ въ томъ, чтобы не было того, что германскій императоръ называлъ выпячиваніемъ фронта. Русская же артиллерія, безсознательно уловивъ и используя этотъ принципъ и не имѣя такого же равномѣрнаго распредѣленія, сосредоточивалась въ невыгодныхъ для врага позиціяхъ въ количествахъ, не соотвѣтствовавшихъ общему количеству русской артиллеріи, или, какъ тогда называли, «узлами». Эти «узлы» нерѣдко превосходили своимъ количествомъ мѣстную артиллерію врага и получалось впечатлѣніе мѣстной слабости нѣмцевъ, впечатлѣніе имѣвшее послѣдствіемъ нѣкоторыя непріятности для врага, а для насъ подъемъ духа, за которымъ пробуждалась вѣра въ себя.

Увѣренную фигуру главнокомандующаго, всюду появлявшагося, берегшаго войско и дальше все умно налаживавшаго—все войско знало, что своимъ нынѣшнимъ положеніемъ оно обязано именно ему—стали

встрѣчать радостно и солдаты, и офицеры, какъ символъ непоколебленнаго могущества Россіи.

— «Чистый Кондратенко», говорили солдаты и вѣрили ему беззавѣтно и слушали его какъ любимаго отца духовнаго.

«Отступаетъ точно на маневрахъ. Тонко свое дѣло знаетъ. Ночей не спитъ. И солдата любитъ.»

Такова была краткая, но легко запоминающаяся характеристика, умилявшая солдатъ и ими самими сложенная.

Отступленіе не подрывало его авторитета.

«Силы набирается», объясняли солдаты, «вѣдь война то намъ прямо въ темя, очухаться надо.»

Носились по всей арміи упорные слухи, что пушки издалека везутъ и надо ждать, а съ пушками, увѣряли себя люди «мы и совсѣмъ повернемъ».

Офицерскій составъ, благодаря толковому подбору начальствующихъ лицъ, произведенному главнокомандующимъ безъ посторонней помѣхи, показывалъ себя съ лучшей стороны.

Но и при всѣхъ достоинствахъ войска, которыхъ передъ войной нельзя было ожидать и которыхъ удалось добиться человѣку, которому не мѣшали работать, главнокомандующій не могъ рѣшиться ни на что серьезное и ждалъ.

Онъ зорко слѣдилъ за своими флангами и съ большимъ искусствомъ состязался въ игрѣ съ германскимъ императоромъ, когда тотъ вдругъ переставалъ довольствоваться отступленіемъ русскихъ, находя, что оно затягивается, и начиналъ прилагать усилія къ тому, чтобы вызвать русскихъ на серьезное сраженіе.

Германскій императоръ продолжалъ полагать, что онъ отберетъ у Россіи «только» Польшу и Прибалтійскій край и остановится, удерживая отобранное «сильною рукою». Увѣренный въ томъ, что изъ за

«куска Россіи» Франція не рискнетъ своимъ благополучіемъ, онъ не предвидѣлъ того, что ни Франція, ни другія германофобствующія державы не повѣрятъ его заявленію о томъ, что онъ не имѣетъ намѣренія взять больше. Онъ не видѣлъ того, что это его заявленіе ничуть не гарантируетъ Россію въ глазахъ Европы отъ ранняго или поздняго разгрома. Интересы же европейскаго равновѣсія таковаго не могли допустить, какъ не можетъ одинъ изъ двухъ борцовъ добровольно допустить, чтобы ему, для облегченія его противнику борьбы, отрубили руку или ногу.

Потому участіе въ русско-нѣмецкой войнѣ со стороны Россіи другихъ державъ было, такъ сказать, исторически предрѣшено и зависѣло только отъ внутренняго положенія этихъ державъ, а это послѣднее было и обѣщало остаться устойчивымъ.

Но спокойствіе за западъ не помѣшало германскому императору принять мѣры для охраны западныхъ границъ. На Россію направлены были далеко не всѣ силы Германіи, и угроза Франціи свободной частью нѣмецкихъ войскъ была для императора Германіи вторымъ доводомъ противъ предположенія о выступленіи Франціи въ пользу Россіи.

Въ предупрежденіе всякихъ случайностей насторожена была и Австрія. Послѣдняя еще до возникновенія войны, когда, о данной войнѣ никто и не помышлялъ, перевооружила свою артиллерію благодаря братскимъ совѣтамъ Германіи. Теперь Австрія держала себя вызывающе по отношенію къ Россіи, не скрывая ни мало своихъ алчныхъ желаній, и это ея поведеніе входило въ программу дѣйствій германскаго государя и также предназначалось въ качествѣ пугала Франціи.

Австрія должна была работать не даромъ. Условлено было, что она получитъ свою долю на Балканскомъ полуостровѣ, такъ какъ послѣ шаговъ Герма-

ніи противъ Россіи не будетъ нужды въ независимомъ положеніи нѣкоторыхъ балканскихъ государствъ, какъ цинично болтала оффиціальная нѣмецкая пресса, и такое обѣщаніе весьма устраивало Австрію, вѣнскіе руководители коей ночей не спали, чтобы придумать, какъ сильнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ дешевле для себя уколоть Россію, а пока что расправлялись со славянами у себя дома, показывая тѣмъ, какъ они ненавидятъ все, что напоминаетъ имъ о русскихъ,

Роль натаскивателя Австріи на Россію была поручена императоромъ особому вниманію имперскаго канцлера и тотъ старался. Впрочемъ со стороны послѣдняго требовалось немного трудовъ, такъ какъ Австрія сама охотно шла ему навстѣчу. И послѣ того какъ нѣмецкія войска заняли довольно значительную часть русской территоріи и все-таки не было и признаковъ появленія новыхъ соперниковъ, и казалось авантюра Германіи сойдетъ такъ, какъ Германія желала, и отъ этого вѣрной представлялась надежда Австріи захватить своихъ балканскихъ соперниковъ, изъ Вѣны выѣхало спеціальное посольство къ германскому императору, состоявшее изъ военныхъ чиновъ. Посольство это имѣло цѣлью демонстративное принесеніе поздравленій съ благополучнымъ ходомъ кампаніи, засвидѣтельствованіе общности интересовъ Австріи съ интересами Германіи и выраженіе пожеланія скорѣйшаго достиженія Германіей поставленной ею цѣли. Это посольство было жестомъ все противъ той же Россіи. Предполагаемая удача Германіи кружила австрійцамъ головы. Тотъ вѣковой ненавистный соперникъ, съ которымъ какъ ни какъ всегда приходилосъ считаться и который заставлялъ стѣсняться, перестаетъ быть соперникомъ. И надо было теперь же, до возможныхъ переговоровъ о мирѣ, рѣзко подчеркнуть свою антипатію къ нему, дать ему понять, какъ съ нимъ бу-

дутъ обращаться послѣ мира, указать ему, что политика Ближняго Востока должна быть съ этой войны оставлена имъ—и все это надо сдѣлать въ лагерѣ побѣдителя и получить отъ него одобрительный отвѣтъ, въ которомъ не сомнѣвались.

Германскій императоръ оказалъ посольству исключительный пріемъ. Новая исторія никогда еще не видѣла такого братанія формально нейтральної державы съ одной изъ воюющихъ сторонъ съ очевидной и единственной цѣлью выпада противъ другой.

Посольству въ красочности его поведенія много помогло то, что члены его рѣшили проявлять въ отношеніи противника хозяевъ, которые ихъ принимали, всяческое неприличіе, «ибо,» смѣло разсуждали они, «что теперь ни сказать, великая славянская нація пикнуть не посмѣетъ, и все сойдетъ.»

Горячность нѣмцевъ заставила императора забыть то благородство, которое внушило ему написать дружеское письмо русскому государю, и чувства гостей и хозяевъ слились за торжественнымъ обѣдомъ.

Англійская печать назвала этотъ обѣдъ ультиматумомъ нѣмецкой націи всей Европѣ и спрашивала свое правительство, чего оно еще ждетъ.

«Хлѣбосольный хозяинъ разошелся во всю. Гадать еще о его намѣреніяхъ уже нѣтъ надобности. Пришла пора этимъ намѣреніемъ противостать,» такъ писала вліятельная англійская газета.

Въ рѣчи императора на обѣдѣ были дѣйствительно колкія, заставлявшія задуматься слова. Мы приводимъ ихъ въ той части, которая особенно цитировалась въ Европѣ:

«Россіи не мѣсто въ Европѣ—она плоть отъ плоти и кровь отъ крови Азіи. Между тѣмъ она вообразила, что призвана дѣлать европейскую исторію. При азіатской отсталости она посягала руководить судьбами

Европы. Вы свидѣтели того, что мы, нѣмцы, являемся единственнымъ очагомъ европейской культуры. Будущее Европы въ рукахъ нѣмцевъ, и если бы мы стали склонять голову передъ азіатами, это было бы не просто позоромъ трусливыхъ людей, это было измѣнническою продажей нашего будущаго. Если у насъ есть цѣль подчинять вырождающіяся культурныя націи, то тѣмъ логичнѣе имѣть цѣлью диктовать варварамъ условія, какія мы захотимъ. Россія останется еще въ Европѣ, но ея рѣшающій голосъ не долженъ раздаваться наряду съ нашимъ. Нація, справившая тысячелѣтіе своего существованія и до сихъ поръ не воспитавшая своихъ сыновъ, должна сойти съ міровой сцены, а не давить своимъ мертвымъ, призрачнымъ величіемъ то, что полно жизни, что брыжжетъ энергіей и, что способно создать міръ новой красоты, міръ сильныхъ людей, которые знаютъ, на что имъ дана жизнь!»

Французская печать подхватила выраженія «мы нѣмцы...», «подчинять вырождающіяся націи» и разразилась филиппиками. Многія газеты, точно по соглашенію, озаглавили свои передовыя статьи «Европа—это мы!» и «Aprés le vin!» и выразили пожеланія, чтобы обѣденные жесты оказались трагическими для ихъ творца.

Въ началѣ мы писали о томъ отчаяніи, которое охватило жителей русскихъ городовъ отъ предположенія или даже отъ увѣренности въ томъ, что врагъ окажется жестокимъ и используетъ свой воздушный флотъ самымъ ужаснымъ образомъ. Вскользь упомянули мы также о томъ, что авіація того времени значительно превзошла нашу. Позже мы указали, что врагъ по отношенію къ городамъ Россіи удовольствовался внушеннымъ имъ страхомъ. Естественъ вопросъ:

«примѣнялся ли онъ въ зонѣ войны?» Отчасти и на этотъ вопросъ нами уже данъ отвѣтъ: да примѣнялся, но не какъ орудіе уничтоженія непріятеля, а какъ средство предупрежденія своихъ жертвъ. Воздушныя суда несли развѣдочную и сторожевую службу. Правда, они появлялись вдругъ во внушительномъ числѣ надъ самыми мѣстами нашего расположенія, выражая намѣреніе аттаковать сверху, но никогда еще это намѣреніе не получало реальнаго воплощенія и въ концѣ концовъ русскія войска освоились съ этой мнимой угрозой и относились къ ней сравнительно спокойно.

Причину воздержанія нѣмецкаго воздушнаго флота отъ самостоятельныхъ активныхъ дѣйствій умные люди того времени объясняли такъ: цѣлью войны съ Россіей у германскаго императора было не одно отобраніе у Россіи намѣченныхъ областей, но и демонстрированіе блестящаго состоянія и первосортности нѣмецкаго солдата. Этого второго нельзя было бы сдѣлать, если бы рѣшающіе кампанію удары нанесъ воздушный флотъ. Дѣятельная помощь воздушнаго флота была бы признаніемъ Германіей своего малосилія, а хотѣлось показать и внушить міру именно о сокрушающей силѣ нѣмецкаго войска, какъ такового, независимо отъ его придатковъ. Будучи желательно непримѣненіе воздушнаго флота по этой причинѣ, оно, при физической возможности примѣнить, давало еще право кричать о своей гуманности, о необходимости удивляться великодушію германскаго императора и о мирныхъ въ сущности задачахъ Германіи въ этой войнѣ, о дѣйствительномъ «выполненіи только справедливости», какъ писалъ имперскій канцлеръ заграницу, указывая всю несправеливость подчиненія русскимъ прибалтійскихъ нѣмцевъ. Но чтобы не казалось, что причина молчанія воздуш-

наго нѣмецкаго флота лежитъ въ немъ самомъ, въ его внутреннихъ, недостаткахъ, и производятся-де тѣ отрядныя появленія флота надъ головами русскихъ солдатъ, которыя солдаты называютъ «шареньемъ».

Русскій главнокомандующій, хоть и склоненъ былъ вѣрить въ существованіе тѣхъ тонкостей въ мышленіи нѣмецкаго императора, которыми объяснялось у насъ бездѣйствіе воздушнаго флота, принималъ свои мѣры. Онъ устранилъ прежнюю лагерную скученность войскъ и установилъ новый, правда растянутый, правда неудобный порядокъ расположенія, даже мало цѣлесообразный, но полезный своимъ благотворнымъ вліяніемъ на психику войска. Впервые появились въ нашей арміи истребители воздушныхъ судовъ домашняго изобрѣтенія, опять таки болѣе укрѣплявшіе солдатскую психику кажущейся возможностью истребленія, чѣмъ дѣйствительно полезные въ смыслѣ истребленія. Истребители эти не пускались въ ходъ—въ виду, какъ заявлялось,—того, что врагъ не вынуждаетъ, и во избѣжаніе неизбѣжныхъ при сраженіи съ воздушнымъ флотомъ лишнихъ потерь людьми; на самомъ же дѣлѣ ихъ опасались пускать въ ходъ по настоящимъ цѣлямъ въ виду сомнительности возможныхъ результатовъ.

Стоялъ очень большой загадкой вопросъ, будетъ или не будетъ примѣненъ непріятелемъ воздушный флотъ при осадѣ крѣпостей. На всякій случай въ крѣпостяхъ были выработаны особыя мѣры сохраненія гарнизона и артиллеріи, опять таки сравнительно мало спасавшія, но все же дававшія возможность остановить непріятеля, затянуть войну хоть на малое время, а пока только затянуть ее и хотѣлъ нашъ главнокомандующій.

На отдѣленіе части своихъ силъ для крѣпостей главнокомандующій не смотрѣлъ какъ на измѣну

своей цѣли—сохранить войско, даже предвидя возможность, вслѣдъ за недолгимъ сопротивленіемъ этой части, лишенія послѣдней для себя. Онъ говорилъ, что долженъ использовать всѣ средства, какія еще имѣются у него и сдѣлать это прежде всего для самого себя, для того, чтобы не отвѣчать передъ своей совѣстью, что кромѣ того онъ долженъ занять крѣпости и для солдатъ, которые отнюдь не отказываются идти въ гарнизоны и которые не поняли бы того, кто распорядился бы бросить крѣпости врагу. Кромѣ того онъ былъ увѣренъ, что дешево не продадутъ себя русскіе, даже если воздушный флотъ начнетъ свои губительныя операціи и что, если такое несчастіе произойдетъ и тѣ или другія крѣпости должны будутъ скоро пасть вслѣдствіе дѣйствій воздушнаго флота, гарнизоны ихъ не поднимутъ бѣлаго флага и силы врага также уменьшатся въ схваткѣ за развалины крѣпости. А для того, чтобы оправдался этотъ послѣдній расчетъ, главнокомандующій назначалъ начальниками крѣпостей лицъ, относительно которыхъ былъ увѣренъ, что они проявятъ себя героями. Гарнизоны были набраны большею частью изъ охотниковъ, въ меньшей же изъ назначенныхъ; назначены были молодые солдаты, которые не представляли еще изъ себя хорошаго боевого матеріала и только должны были стать таковымъ за время крѣпостного сидѣнія.

Европейская война.

Сохранить въ тайнѣ свои приготовленія союзникамъ не удалось. Берлинъ вдругъ узналъ, что доселѣ «мирные враги» готовятся стать воинственными. Когда донесли германскому императору, онъ отвѣтилъ въ Берлинъ:

«Самое скверное въ рискѣ Франціи то, что она руководится соображеніями реванша. Своимъ поведеніемъ она хочетъ заставить меня видѣть въ ней плохого игрока, желающаго играть и дальше, несмотря на всѣ проигрыши. Я не вѣрю въ ея нападеніе. Что касается Англіи, то въ ней слишкомъ много государственныхъ людей, чтобы она предпочла ссору худому миру. Поэтому я спокойно продолжаю наступленіе».

Оффиціальная пресса въ виду спокойствія правительства писала, что Германія способна уплатить по всѣмъ счетамъ, какіе бы ей ни были предъявлены, и смѣялась надъ военными приготовленіями Франціи, говоря, что она, подобно Бурбонамъ, ничему не научилась.

Въ это время въ англійскомъ парламентѣ была проронена фраза о томъ, что «судный день» приблизился, фраза, вызвавшая сочувственныя демонстраціи въ Лондонѣ. Демонстраціи къ вечеру перекинулись въ Парижъ, а ночью того же дня небольшой отрядъ нѣмецкаго флота былъ аттакованъ англичанами въ Сѣверномъ морѣ и послѣ непродолжительнаго сопротивленія пущенъ ко дну. Независимо отъ этого англійскіе миноносцы прорвались въ Балтійское море и аттаковали К..., послѣ чего очистили путь въ то же море для большихъ судовъ и весь англійскій флотъ очутился во внутреннихъ нѣмецкихъ водахъ.

Ударъ былъ неожиданный. Вмѣстѣ съ нимъ свалился другой. Въ какомъ-то небываломъ количествѣ надъ западными крѣпостями Германіи ураганомъ пронесся французскій воздушный флотъ и сокрушилъ лучшія твердыни.

Нѣмцы остолбенѣли въ первую минуту отъ этихъ извѣстій, а соціалъ-демократическая партія въ тотъ же день собрала многотысячные митинги протеста противъ войны.

Подъ горячую руку наговорено было много красивыхъ рѣчей о нечистой игрѣ, затѣяной правительствомъ и о необходимости заставить кончить ее безотлагательно.

Ночь митинговъ протеста было полной противоположностью той торжественной ночи, когда гулъ одобреній умилилъ императора до слезъ. Теперь пришли другіе, чѣмъ тогда люди, и сказали, какъ скверно, какъ недальновидно поступили люди, хвалившіе императора.

Берлинское правительство растерялось и просило императора немедленно прибыть въ столицу.

О выступленіи Франціи и Англіи русское правительство было оповѣщено наканунѣ открытія военныхъ дѣйствій этими державами. Объяснены были и причины заблаговременнаго неизвѣщенія.

Населеніе же Россіи узнало объ этомъ выступленіи одновременно съ извѣстіями о первыхъ успѣхахъ неожиданныхъ союзниковъ.

Помощь Франціи и Англіи вызвала всюду колоссальный энтузіазмъ. Подняли головы и тѣ, кто уже пѣли отходную Россіи, и громко закричали тѣ, кто нѣсколько дней тому назадъ толкалъ нашу армію на рѣшительный бой. Кричали эти послѣдніе о многомъ— о своей правотѣ, объ истинности своей вѣры въ то, что Россія не можетъ погибнуть, о томъ, что теперь

нельзя кончить войну только на томъ, что нѣмецкое войско уйдетъ въ свои старые предѣлы, что нужно использовать случай сократить до возможнаго минимума опасность, представляемую вооруженными силами Германіи, и что расправа съ измѣнниками поляками неминуема.

Лучше всего открытіе военныхъ дѣйствій Англіей и Франціей было принято тамъ, гдѣ оно было всего нужнѣе—въ нашей дѣйствующей арміи.

Слова «конецъ отступленію!» Богъ вѣсть откуда взявшіеся носились по всѣмъ полкамъ, сопровождаемые радостнымъ гуломъ. Радость эта была прежде всего за тѣхъ братьевъ-товарищей, которые сидѣли по крѣпостямъ, уже отрѣзаннымъ отъ арміи, и бились съ вдесятеро сильнѣйшимъ врагомъ, попрежнему непримѣнявшимъ воздушнаго флота, но и почти не прекращавшимъ бомбардировокъ.

Крѣпости эти были, кажется, самымъ больнымъ мѣстомъ для нашей арміи. Русскіе солдаты страдали не за свои лишенія, а за тотъ «смертный трудъ», который выпалъ на долю крѣпостнымъ гарнизонамъ. Тревожилась вся армія. Разговоры шли только о крѣпостяхъ. Болѣли душой только о томъ, какъ бы пойти на выручку, и, забывая за этой частной, но болѣе близкой и болѣе страдающей цѣлью, цѣль главную—сохранить Россіи армію, уже нѣсколько холоднѣе относились къ главнокомандующему и даже доходили до упрековъ въ томъ, что онъ ужъ слишкомъ много придаетъ значенія техническимъ преимуществамъ врага и ни во что ставитъ настроеніе войскъ, не могущихъ дольше терпѣть отступленія при мученіяхъ, выпавшихъ на долю братьевъ. И вдругъ эта возможность поддержать своихъ такъ неожиданно оказывалась близкой.

Радовались тому также, что наступаетъ конецъ безвыходности, въ которую попала было Россія. Знали,

что еще будутъ жертвы, думали, что врагъ еще долго можетъ быть не сдастся, но были увѣрены, что онъ уйдетъ безъ побѣды и что русское знамя не будетъ потоптано нѣмецкими ногами.

И въ связи съ этой радостью появилась у войска особая дѣтская довѣрчивость къ своему вождю. Всѣ и каждый прониклись живымъ чувствомъ послушанія, готовностью все исполнить, хотя бы цѣной исключительной жертвы, ради стародавняго завѣта: «лишь жила бы Россія въ славѣ и благоденствіи». Петербургъ преклонялся передъ главнокомандующимъ. Поскольку допускалъ этикетъ, его боготворили.

«Такъ предусмотрѣть событія, такъ увѣренно и такъ успѣшно идти къ цѣли, въ которую никто не вѣрилъ, такъ послужить Россіи—могъ только одинъ человѣкъ. Этотъ единственный человѣкъ—вы», писалось главнокомандующему въ новомъ милостивомъ письмѣ изъ Петербурга.

Англія принялась энергично выполнять принятую ею на себя обязанность—снабдить Россію артиллеріею. Когда рѣчь зашла о пораженіи ея главнаго соперника, она приложила всѣ усилія, чтобы добиться своего. Она понимала, что если даже она одна затратитъ деньги на артиллерію для Россіи, то все же война обойдется ей во много разъ дешевле, чѣмъ одинъ на одинъ съ Германіей. И принявшись за дѣло, Англія торопилась. Съ изумительной скоростью понеслись въ русскую армію поѣзда съ новыми орудіями и снарядами, Богъ вѣсть откуда взятыми. Богъ вѣсть откуда явились съ орудіями инструкторы и на передовыхъ позиціяхъ начали обучать нашихъ артиллеристовъ обращенію съ новой системой, нимало не уступавшей нѣмецкой.

Русская армія въ нѣсколько дней разбогатѣла боевыми средствами и знаніями въ области артилле-

рійскаго дѣла и постольку почувствовала себя сильною, что рѣшительно противостала дальнѣйшему наступленію нѣмецкой арміи и вскорѣ наступленіе это прекратилось совершенно.

Германскій императоръ не чувствовалъ ни тревоги, ни смущенія, когда получилъ извѣстія о нападеніи Англіи и Франціи.

Первое, что онъ сдѣлалъ, это строго взыскалъ за пропускъ англійскаго флота въ Балтійское море.

Затѣмъ предложилъ Австріи со своей стороны объявить войну Россіи и предоставилъ ей по отношенію къ послѣдней полную свободу дѣйствій. Этотъ партнеръ немедленно вступилъ въ игру и принесъ съ собой ту жестокость, которой такъ недоставало нѣмцамъ.

Дальнѣйшія дѣйствія германскаго императора распредѣлились слѣдующимъ образомъ: часть войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Россіи, и почти половина артиллеріи были переброшены на западный театръ войны для совмѣстныхъ дѣйствій съ свободными западными частями противъ Франціи. Императоръ измѣнялъ свой старый разсчетъ войны на Западѣ въ виду особой вредоносности французскаго воздушнаго флота и, видя необходимость скорѣе справиться съ Франціей, жертвовалъ временемъ на русскомъ театрѣ войны, правда не по отношенію къ крѣпостямъ.

Русскія крѣпости, буквально засыпанныя градомъ снарядовъ съ перваго же дня осады, теперь начали испытывать силу дѣйствія воздушныхъ судовъ. У Германіи не было больше причинъ стѣсняться и она устроила для осажденныхъ гарнизоновъ кромѣшный адъ. Въ неравной борьбѣ русскіе проявляли себя титанами, и прежніе подвиги померкли передъ новыми.

Напряженіе душевныхъ силъ осажденныхъ достигло

въ дни воздушной бомбардировки необычайной степени. Въ атмосферѣ разрушенія огонь смерти вдругъ освѣтилъ самыя сокровенныя глубины человѣческаго духа и воспаленные глаза неожиданно вырвали оттуда тайну, а испачканныя въ собственной крови руки воплотили ее въ средство обороны. Такъ явился ставшій знаменитымъ истребитель воздушныхъ судовъ русскаго изобрѣтенія, о которомъ не имѣли представленія наши полевыя войска.

И день ожидаемаго паденія крѣпости, которая его изобрѣла, вдругъ оказался для врага роковымъ: воздушныя суда, эффектно поднявшіеся для послѣдней бомбардировки, вдругъ разсыпались въ воздухѣ, и остатки ихъ покрыли дымящіяся развалины крѣпости. Первая же неудача остепенила нѣмцевъ и сдѣлала ихъ сдержанными, а секретъ истребленія быстро былъ переданъ охотниками-героями полевымъ войскамъ и въ прочія крѣпости.

Вмѣстѣ съ артиллеріей и пѣхотой германскій императоръ переводилъ изъ Россіи на западную границу и большую часть воздушнаго флота. Передъ послѣднимъ стояла большая задача, исполненіе которой только и могло помочь императору проникнуть во французскія владѣнія. Дѣло въ томъ, что входъ во Францію по всей границѣ былъ охраненъ воздушнымъ флотомъ и, только одолѣвъ послѣдній, можно было нанести Франціи ударъ.

Почти весь свободный нѣмецкій флотъ и шелъ теперь на рѣшительную борьбу съ французскимъ. Міру впервые предстояло грандіозное зрѣлище воздушной борьбы, но прежде чѣмъ нѣмецкій флотъ достигъ границъ Франціи, воздушный флотъ Англіи появился надъ Кильскимъ каналомъ и вблизи рейда, на которомъ расположилась большая часть морскихъ силъ Германіи. Имѣвшіяся въ распоряженіи послѣд-

нихъ воздушныя суда немедленно поднялись для отраженія, вошли въ соприкосновеніе съ врагомъ и заработали вмѣстѣ съ нѣмецкими истребителями. Воздушный телеграфъ тотчасъ отозвалъ половину воздушнаго флота, шедшаго къ Франціи (вторая же половина продолжала путь и размѣстилась по нѣмецкой границѣ, охраняя ее отъ новаго нападенія французовъ).

Благодаря выступленію англійскаго воздушнаго флота интересъ войны въ нѣсколько часовъ сосредоточился на Балтійскомъ морѣ.

Уже былъ поздній вечеръ. Кильскій каналъ былъ разрушенъ до неузнаваемости. О пользованіи имъ не могло быть рѣчи. На рейдѣ три нѣмецкихъ дредноута, покрытые точно сѣтью разбитыми воздушными судами нападавшихъ англичанъ и защитниковъ нѣмцевъ, шли ко дну; около четверти остальныхъ нѣмецкихъ судовъ получили большія или меньшія поврежденія, когда на горизонтѣ показались новыя силы нѣмецкаго воздушнаго флота. Въ виду свѣжаго врага англичане начали уходить въ сторону своихъ морскихъ силъ, имѣя намѣреніе закончить сраженіе. Ночь помогла имъ въ этомъ, и нѣмцы не рѣшились пойти на неизвѣстность и остановились надъ роднымъ рейдомъ. Послѣдній представлялъ хаосъ. Слѣды разрушенія были повсюду. Паника обнаруживала себя въ сбившихся въ неправильныя группы судахъ, потерявшихъ порядокъ своего размѣщенія на рейдѣ, и если бы германскій императоръ, боявшійся даже «вывиховъ», своими глазами увидалъ эту картину, онъ вѣроятно упалъ бы въ обморокъ. Но онъ узналъ лишь о томъ, что англійскій возоушный флотъ понесъ большія потери и прогнанъ, что буря задержала преслѣдованіе его, что въ схваткѣ, дорого обошедшейся врагу, такія то нѣмецкія суда потерпѣли крушеніе, а такія то

аварію. Объ очевидной паникѣ донесено не было. Объ этомъ написали англійскія газеты.

Очередная задача англійскаго морского флота состояла въ уничтоженіи той части нѣмецкаго, которая была отдѣлена для дѣйствій въ русскихъ водахъ Балтійскаго моря. По полученіи свѣдѣній объ открытіи военныхъ дѣйствій Англіей эта часть двинулась было на соединеніе съ главными своими силами, но прежде чѣмъ дошла, узнала, что путь уже занятъ англичанами, и, не имѣя возможности принять бой, укрылась въ ближайшей гавани.

Установивъ воздушной развѣдкой количество укрывшихся боевыхъ единицъ, англійскій флотъ отрядилъ для дѣйствій противъ нихъ полуторный отрядъ, а остальными силами расположился близъ К..., имѣя въ виду дать бой нѣмецкому флоту, если тотъ пожелаетъ выйти.

Утромъ слѣдующаго послѣ нападенія воздушнаго на К...скій рейдъ дня слѣдившій за К..... англійскій морской флотъ въ свою очередь подвергся нападенію нѣмецкаго воздушнаго флота. Послѣдній былъ встрѣченъ оправившейся отъ вчерашняго боя воздушной же англійской эскадрой.

Силы воздушныхъ противниковъ оказались почти равными, а морская эскадра англичанъ имѣла преимущество передъ вчерашнимъ положеніемъ нѣмецкой эскадры въ томъ, что находилась въ открытомъ морѣ.

Выяснивъ силы и положеніе противника и испробовавъ своими маневрами англійское искусство распоряженія воздушными судами, нѣмецкій воздушный флотъ отошелъ обратно, не рѣшившись сразу на единоборство.

Вслѣдъ этому удаленію англійская эскадра начала бомбардировку К..ской бухты и флота въ ней, что вызвало сначала отвѣтную стрѣльбу, а затѣмъ и новое появленіе воздушнаго нѣмецкаго фдота, на этотъ разъ, видимо, надумавшаго принять бой.

Нѣмцы долгое время обхаживали англичанъ, стараясь вызвать ихъ на новое построеніе и напасть въ невыгодный для тѣхъ моментъ, но англійскія суда замкнулись въ кольцо, изъ котораго не выходили. Это кольцо висѣло въ воздухѣ и только ближнимъ къ нѣмцамъ краемъ то поднималось, то опускалось соотвѣтственно движеніямъ противника, представляя изумительное зрѣлище. Послѣ долгаго блужданія нѣмцевъ со стороны англійской эскадры вышелъ по направленію къ К..ской бухтѣ разсѣянный отрядъ миноносцевъ, надъ которымъ немедленно и сосредоточились воздушныя нѣмецкія суда, какъ надъ легкой добычей. Но на миноносцахъ вдругъ начали работу истребители и часть нѣмецкихъ судовъ опрокинулась въ воздухѣ. Миноносцы, имѣя также потери, мчались впередъ въ мѣста наибольшаго сосредоточенія нѣмецкаго флота. Понявъ роль миноносцевъ, нѣмецкія воздушныя суда стали производить уклончивыя движенія и ища лучшихъ позицій, разстроили свое построеніе. Тѣмъ временемъ англійское кольцо съужалось. Найдя моментъ благопріятнымъ, воздушный англійскій флотъ охватилъ нѣмцевъ съ фланговъ и бросилъ ихъ на истребителей своихъ миноносцевъ. которые получили новое подкрѣпленіе. Терпя очевидный уронъ, подбиваемый снизу, нѣмецкій флотъ, геройски отбиваясь, сталъ медленно отходить подъ прикрытіе береговыхъ батарей и береговыхъ истребителей.

Между тѣмъ бомбардировка съ морскихъ англійскихъ судовъ не прерывалась.

Къ вечеру нѣмецкій мороской флотъ получилъ приказаніе выйти ночью въ море и напасть на англійскія силы.

Судамъ, остановившимся по дорогѣ изъ Россіи, предписывалось соединиться съ главными силами.

Воздушный нѣмецкій флотъ получалъ ночью значительныя подкрѣпленія.

Европа представляла въ эти дни невиданное зрѣлище.

Огромная міровая жизнь въ этой части свѣта совершенно замерла.

Ненужными казались тысячи торговыхъ судовъ, уныло стоявшихъ брошенными.

Въ поѣздахъ везли или войска, или боевые припасы, или провіантъ.

На первый планъ выдвинулось то, что имѣло прямое отношеніе къ войнѣ.

Какъ въ часъ пожара останавливается вся жизнь улицы и все расчищаетъ дорогу пожарнымъ командамъ, такъ въ этотъ часъ войны сжалось, приникло все мирное, и въ самыхъ близкихъ, и въ самыхъ отдаленныхъ отъ театра войны мѣстахъ отдавался лишь глухой, тяжелый гулъ тяжелаго дѣла.

Обычная мирная жизнь, состоящая изъ мелкихъ тревогъ, мелкихъ каплей привычнаго труда, сгущающая весь интересъ на моментахъ получки добытой суммы денегъ, эта жизнь, такъ дорожащая размѣренностью, точностью, пустяками, вдругъ утратила свое значеніе, свою невольную привлекательность, вдругъ перестала быть главнымъ въ глазахъ служившихъ ей людей. Люди даже обрадовались своему равнодушію къ ней и удивленно глядѣли, какъ она, эта вѣковая ихъ владычица, покорно переносила пренебреженіе вчерашнихъ рабовъ.

Въ частности въ Германіи не было больше радостно-бурныхъ всплесковъ народныхъ волнъ. Наоборотъ, чувствовалось приближеніе чего-то катастрофальнаго, чего то такого, что должно было сразу состарить міровое лицо.

Выраженіе «кого то хоронятъ» было признано въ Германіи остроумно передающимъ настроеніе. Дѣйствительно, точно хоронили кого-то, но какъ во снѣ, еще не знали, хоронятъ ли что свое или ненавистное чужое.

Только у императора не захватывало духа, и онъ становился тѣмъ увѣреннѣе, чѣмъ сложнѣе становилось положеніе.

По адресу соціалъ-демократовъ, «позволявшихъ и въ дни чрезвычайнаго напряженія народныхъ силъ, и въ дни государственной тяготы тянуть назадъ колесо германской исторіи», императоръ излилъ свой гнѣвъ въ громовой рѣчи въ Берлинѣ, произнесенной передъ добрыми гражданами и пригрозилъ введеніемъ военнаго положенія тѣмъ, кто не откажется отъ «безумія и обструкціи».

Схватившись за колесо исторіи своей родины, германскій императоръ добросовѣстно тащилъ его въ гору, не взирая на повалившіяся ему подъ ноги глыбы и негодовалъ на тѣхъ, кто не желалъ ему помочь, кто не считалъ важнымъ того, что онъ затѣялъ.

Предписавъ своему флоту напасть на англійскій, онъ сдѣлалъ крупную ставку и, нервно ожидая выигрыша, самъ помчался на воздушномъ суднѣ къ мѣсту рѣшительнаго боя.

Приказъ немедленно вступить въ бой не былъ вспыльчивымъ распоряженіемъ.

Императоръ обдумалъ упрекъ въ томъ, что онъ не выждалъ австрійскаго флота. Во первыхъ, австрій-

скій флотъ долженъ былъ бы пройти черезъ французскій флотъ и главное черезъ Гибралтаръ. Уже эти два препятствія исключали всякую возможность соединенія съ австрійскими силами. Во вторыхъ, если бы эти препятствія и могли быть устранены, то прежде чѣмъ подошелъ бы австрійскій флотъ, отъ нѣмецкаго могло бы ничего ни остаться, ибо врагъ не прекращалъ бомбардировки и не исключалась возможность новыхъ нападеній воздушнаго флота англичанъ, къ которому въ любой моментъ могъ присоединиться воздушный флотъ Франціи. Идти же на соединеніе съ австрійцами самому нѣмецкому флоту было бы и безуміемъ въ виду Гибралтара и оставленіемъ береговъ Германіи на вражескій произволъ. Посему единственное, что можно было сдѣлать разумнаго, это было выйти изъ порта и дать бой.

Послѣ полуночи явились въ К... воздушныя подкрѣпленія и прибылъ самъ императоръ.

Морскіе гиганты, потушивъ огни, поползли на встрѣчу неугомонно бомбардировавшему врагу и построились въ боевой порядокъ.

Англійскій флотъ готовъ былъ каждую минуту принять врага, но о состоявшемся выходѣ нѣмцевъ не зналъ, пока тѣ не пошли въ аттаку. Англійскій флотъ началъ медленно отходить, выясняя мѣстонахожденіе и количество воздушныхъ силъ противника. По идеѣ императора часть послѣднихъ заходила съ тыла.

Англійскій воздушный флотъ набросился уже на воздушный нѣмецкій, шедшій въ лобъ, и уничтожилъ первыя его колонны, когда рефлекторы освѣтили тыловыя нѣмецкія суда. Видя опасность своего положенія, англійскія воздушныя суда неожиданнымъ для нѣмцевъ маневромъ вдругъ бросились въ пространство между воздушными и морскими силами нѣмцевъ и, пользуясь невозможностью для нѣмецкихъ броне-

носцевъ примѣнить истребителей изъ за опасности попасть въ своихъ, съ сумасшедшей быстротой разбросали густымъ дождемъ свои снаряды и вынырнувъ на одну высоту съ врагомъ надъ К..., стали уходить отъ соединившихся воздушныхъ нѣмецкихъ эскадръ, погнавшихся по пятамъ ловкаго врага.

Морскія англійскія суда тѣмъ временемъ доканчивали уничтоженіе морскихъ судовъ Германіи, работая всѣми истребителями на случай нападенія противника сверху.

Первые проблески наступавшаго утра освѣтили торжествующій англійскій флотъ и хмурую фигуру германскаго императора.

Ненавистный флотъ, снившійся императору всѣ ночи его жизни, стоялъ передъ его глазами и гремѣлъ въ его водахъ надъ останками морского могущества Германіи.

Ему доносили, что воздушная эскадра англичанъ частью уничтожена, частью взята въ плѣнъ. Онъ топнулъ ногою и закричалъ раздраженнымъ голосомъ:

— Она сдѣлала свое дѣло!

Бросивъ приказаніе воздушному флоту погибнуть, но уничтожить англійскую морскую эскадру, онъ, не говоря больше ни слова, ни на кого не глядя, уѣхалъ на западную границу, не желая видѣть Берлина и не услышавъ благодаря этому приготовленныхъ для его встрѣчи свистковъ.

Австрійская армія, вступивъ на русскую землю, меленно двигалась впередъ. Россія, ждавшая съ часу на часъ выступленія съ войной и Австріи, успѣла сосредоточить на австрійской границѣ достаточныя силы, которыя и встрѣтили врага.

Австрійская армія не обладала достоинствами германской и необходимыми талантами начальствующихъ

лицъ, а потому съ ней было легче имѣть дѣло. Правда, техническія преимущества и здѣсь были на сторонѣ врага, а не на нашей, но преимущества эти какъ то плохо вошли въ плоть и кровь австрійскаго войска и могли быть надлежаще использованы австрійцами только въ условіяхъ обороны, а не нападенія. Такое положеніе приводило къ тому, что австрійцы довольствовались и медленнымъ наступленіемъ. Кромѣ того, ихъ энергія находила примѣненіе и въ данныхъ условіяхъ— энергія эта направлялась на мирныхъ жителей, которые послѣ прохода австрійцевъ оставались ницими и чуть что не голыми. О какихъ либо обращеніяхъ по этому поводу къ общественному мнѣнію нейтральныхъ державъ въ это время не могло быть и рѣчи, ибо таковыхъ державъ одинаковаго съ воевавшими достоинства не оставалось въ Европѣ, и австрійцамъ ничто не мѣшало въ ихъ расправѣ съ мирнымъ населеніемъ. Только нѣсколько позже населеніе еще не занятыхъ австрійцами мѣстностей весьма заблаговременно стало уѣзжать вглубь Россіи и врагъ сталъ получать въ добычу одно разрушеніе.

Что касается воздушнаго флота Австріи, то онъ въ большей своей части былъ отданъ въ распоряженіе германскаго императора, а оставшейся едва хватало на несеніе развѣдочной и сторожевой службы. Правда, и при небольшихъ размѣрахъ можно было нанести врагу хотя бы частный ущербъ, но противоавстрійская армія наша обладала также небольшимъ количествомъ воздушныхъ судовъ и, показывая ихъ противнику, заставляла его опасаться единоборства.

Еще до прибытія воздушныхъ судовъ изъ Франціи, какъ только были получены изъ крѣпостей извѣстія, что нѣмцы пустили въ ходъ воздушный флотъ, нашлись среди летчиковъ русской арміи охотники использовать тѣ воздушныя суда, которыхъ не разру-

шили гранаты нѣмецкаго воздушнаго отряда, открывшаго войну. Пользуясь ночной темнотой, эти отважные полетѣли въ осажденныя крѣпости, неся туда свѣжія вѣсти, слова ободренія, благословенія товарищей, и не удержались отъ соблазна разбросать надъ вражескимъ лагеремъ взрывчатыя вещества и хоть немного облегчить осажденнымъ ихъ трудное дѣло; нѣкоторыя до того увлеклись поставленной ими себѣ цѣлью нанесенія наибольшаго ущерба врагу, что когда вспомнили о своемъ спасеніи, то оказались отовсюду окруженными освирѣпѣвшимъ врагомъ и погибли, направивъ свои израненныя суда прямо на суда непріятелей. Исторія того времени записала много именъ этихъ героевъ.

Наконецъ въ русской арміи распространился слухъ о томъ, что французскій воздушный флотъ уже началъ снимать осаду съ русскихъ крѣпостей.

Дѣйствительность соотвѣтствовала слуху.

Русскій главнокомандующій, поставленныи своевременно въ извѣстность относительно всѣхъ предполагавшихся дѣйствій Англіи и Франціи «Христомъ—Богомъ», по его выраженію, умолилъ союзниковъ сразу же помочь крѣпостямъ. Во исполненіе этой просьбы сильный французскій воздушный отрядъ, обогнувъ Германію, появился черезъ 2 дня послѣ уничтоженія англичанами нѣмецкаго флота надъ главной русской крѣпостью, окруженной нѣмцами, привѣтствуя осажденныхъ.

Нѣмецкія воздушныя силы, сильно уступая неожиданному сопернику, даже не поднялись съ земли.

Нѣмецкій корпусъ, такъ какъ отъ нападенія воздушнаго флота Россіи онъ былъ застрахованъ его уничтоженіемъ, не обладалъ даже и истребителями, почему подошедшій французскій флотъ не встрѣтилъ никакого сопротивленія и спокойно, никѣмъ не тре-

вожимый, въ нѣсколько часовъ розыскалъ и уничтожилъ осадную артиллерію.

Осаждавшія же нѣмецкія войска, ожидая нападенія французовъ непосредственно на нихъ, не выдержали и бѣжали, спасая жизнь.

Осада разомъ была снята.

Но уже черезъ три часа по появленіи французовъ надъ осажденной крѣпостью изъ предѣловъ Германіи летѣлъ на борьбу съ нимъ бывшій въ запасѣ флотъ Австріи.

Понимая, что также безпрепятственно не удастся снять осаду съ другихъ крѣпостей, французскій флотъ развилъ колоссальную скорость движенія, благодаря чему австрійскій флотъ настигъ его только на утро слѣдующаго дня, только тогда, когда шло къ концу уничтоженіе осадной артиллеріи около третьей русской крѣпости.

Утомленная французская эскадра приняла бой.

Про нее, какъ про англійскую эскадру, уже можно было повторить слова германскаго императора, что она сдѣлала свое дѣло, и тѣмъ не менѣе австрійскій флотъ встрѣтилъ грознаго противника.

Слѣдуетъ сказать, что, кажется, еще ни въ одну войну новѣйшей исторіи враги не жаждали такъ взаимнаго истребленія, какъ въ эту. Германія и Австрія своимъ надменнымъ соперничествомъ постольку возстановили противъ себя европейскія государства, что въ наибольшемъ количествѣ зла, причиненномъ имъ и ихъ сынамъ, противники видѣли одно благое дѣло. Поэтому при встрѣчахъ въ сраженіи не было другой мысли и у русскихъ и у французовъ, и у англичанъ, кромѣ той, какъ бы истребить все, что противопоставилъ врагъ, хотя бы при томъ пострадать и самимъ. Этимъ особымъ отношеніемъ къ врагу и объяснялись та отвага, та смѣлость, тотъ рискъ, то не-

жалѣніе себя, съ которымъ и русскіе, и французы, и англичане бросались на врага въ эту войну. Передъ каждымъ англійскимъ солдатомъ, въ умѣ его, стоялъ этотъ усатый нѣмецъ, кричащій уже десятки лѣтъ о своей Германіи и нагло грозящій Англіи, вѣками привыкшей къ уваженію. Передъ умственными взорами каждаго француза стоялъ позоръ франко-прусской войны и безправный Эльзасъ. Каждому русскому мерещились свѣжіе труппы братьевъ. И въ каждомъ ударѣ, который наносился врагу этими тремя связанными самой Германіей союзниками, была удовлетворяемая месть, было выполненіе приговора надъ преступникомъ, посягавшимъ годами на благополучіе своихъ ближнихъ во имя одного золотого идола.

Потому то и это столкновеніе французской и нѣмецкой эскадръ было горячимъ столкновеніемъ.

Французы налетѣли какъ шквалъ на австрійцевъ. Безумное движеніе смущаетъ даже сильнаго. Здѣсь же этотъ поистинѣ сумасшедшій налетъ заставилъ австрійцевъ растеряться, и не успѣли они опомниться, какъ уже падали на песчаные холмы, увлекая съ собой побѣдителей.

Оставшаяся невредимой часть французскихъ судовъ спустилась подобрать раненыхъ и принять на бортъ спасшихся.

Картина была потрясающая. Большое пространство было забросано мертвыми и живыми обломками. Кровь бѣжала отъ изуродованныхъ труповъ, отъ оторванныхъ ногъ, рукъ, головъ спокойными, мелкими струйками и, прежде чѣмъ исчезнуть подъ обломками или затеряться подъ землей, ужасно поблескивала на солнцѣ. Еще тряслись, точно не совсѣмъ прикончленныя живыя существа, остовы судовъ отъ непереставшихъ работать моторовъ и паромъ застилалось вдругъ то тамъ,

то сямъ огромное поле отъ взрывовъ неиспользованныхъ снарядовъ.

Жутко было стоять надъ этимъ зрѣлищемъ, Но какъ оно ни было ужасно и тяжело, въ душѣ побѣдителей загоралась не жажда мира, не желаніе протянуть врагу руку, а загорались новыя проклятія, жажда новой мести. Хотѣлось въ этой самой крови своими руками утопить тѣхъ, кто заставилъ видѣть эту кровь. Не страхъ охватилъ души оторопѣвшихъ при видѣ кроваваго поля французовъ, а какое-то дикое воодушевленіе. И появись сейчасъ нѣмцы въ какихъ угодно силахъ, они встрѣтили бы въ этихъ побѣдителяхъ не разсчетливыхъ людей, а помѣшанныхъ дьяволовъ.

Такъ воздѣйствовала на людей война.

Нѣтъ нужды говорить о радостномъ чувствѣ, охватившемъ страны-побѣдительницы. Особенно ликовала Англія, такъ легко добившаяся своей цѣли. Если передъ Франціей еще стояло тяжелое дѣло борьбы за Эльзасъ, если еще Россія страдала разомъ отъ двухъ враговъ, то Англія уже могла пожинать лавры и пировать, ибо морское могущество Германіи было въ конецъ сокрушено.

Въ эти тяжелые для Германіи дни Англія одержала еще одну побѣду, а Германія получила еще ударъ и откуда она меньше всего могла его ожидать.

Италія, та Италія, которая когда то буквально ползала на колѣняхъ передъ Германіей, ища союза, завѣряя клятвами въ своей будущей вѣрности союзу Германіи съ Австріей, начавшая увиливать съ первыхъ дней войны подъ благовидными предлогами отъ союзныхъ обязанностей, эта Италія вдругъ открыто заявила о своемъ выходѣ изъ тройственнаго союза. Подъ вліяніемъ успѣховъ Англіи и Франціи она вняла при-

зыву послѣднихъ и приняла ихъ территоріальныя обѣщанія.

Для Англіи оставалась одна помѣха—австрійскій флотъ, который Англія назначила въ своихъ планахъ также къ уничтоженію, но съ мѣрами его уничтоженія не торопилась, увѣренная, что онъ теперь не уйдетъ изъ ея рукъ.

Послѣ пораженія германскаго флота Англія увела большую часть своихъ судовъ въ англійскіе доки для осмотра и «леченія».

Выше мы указали, что раздраженный германскій императоръ, уѣзжая послѣ гибели флота, приказалъ своей воздушной эскадрѣ погибнуть, но уничтожить англійскіе броненосцы.

Флотъ немедленно приступилъ къ исполненію этого приказанія, но предусмотрительность англичанъ лишила эту попытку всякой силы. Вредъ эскадрѣ можно было нанести только съ извѣстной высоты, англійскіе же истребители доставали дальше границы возможнаго съ высоты прицѣла. Подняться же выше поля дѣйствія истребителей значило не только не бить навѣрняка, но не видѣть и самой цѣли. Поэтому нѣмецкимъ летчикамъ приходилось только скрежетать зубами и глядѣть вслѣдъ удаляющемуся флоту или летѣть на вѣрную гибель.

Къ слову объ истребителяхъ.

Въ то время какъ воздушныя суда были приблизительно одного качества во всѣхъ государствахъ, разница въ истребителяхъ была далеко не такой малой.

Уже съ тѣхъ дней, когда обнаружилось, что воздушная стихія завоевана человѣкомъ, передъ Англіей вставалъ новый большой вопросъ, такой же большой, какъ вопросъ объ охранѣ англійскихъ владѣній.

Послѣднія имѣли охрану въ морскомъ флотѣ, и Англія всегда держала свой флотъ на высотѣ, вкладывая въ него и значительную часть богатствъ и всю душу, и поступая такъ она была спокойна. Появленіе воздушнаго флота грозило въ концѣ концовъ свести къ нулю значеніе флота морского, и это обезпокоило Англію. Съ той поры она искала средство защитить свои морскія силы. На эту работу ушли годы, но Англія использовала каждый день, и когда направляла свой морской флотъ на нѣмецкій, была опять спокойна. Секретъ наилучшаго истребленія былъ въ рукахъ ея одной въ цѣломъ свѣтѣ. Даже союзникамъ въ этой войнѣ было извѣстно только то, что Англія владѣетъ этимъ секретомъ, но въ чемъ онъ состоитъ—осталось закрытымъ даже для нихъ. Франція получила изъ рукъ Англіи не самый секретъ, а только истребителей и должна была принять съ истребителями англійскія команды къ нимъ. Германія же узнала о силѣ англійскихъ истребителей только при столкновеніи и увидѣла, что съ этой силой она не можетъ бороться.

Лишенная морского флота Германія имѣла непочатый уголъ сухопутныхъ войскъ и флотъ воздушный. При такихъ условіяхъ ни сама Германія не могла угомониться, ни Англія не могла примириться. Въ послѣдней послѣ разгрома нѣмецкаго флота и въ связи съ выступленіемъ соціалъ-демократической партіи противъ войны, возникъ новый планъ обезвреженія Германіи, планъ рѣшавшій вопросъ о нѣмецкомъ соперничествѣ, по увѣренію его сторонниковъ, навсегда. Планъ этотъ исходилъ отъ кружка извѣстныхъ англійскихъ реформаторовъ и излагался слѣдующимъ образомъ:

Уничтоженіе нѣмецкаго флота—огромное несчастіе для Германіи и огромный успѣхъ для Англіи, унявшей надолго многолѣтняго соперника, но Англія не гаран-

тирована, что нѣмецкій флотъ не возродится, Англія не знаетъ, не вызоветъ ли это національное горе національнаго подъема, не породитъ ли этотъ сокрушительный ударъ Англіи сильной реакціи въ Германіи, раздраженія противъ Англіи и не явится ли у Германіи желанія все отдать на новый флотъ, лишь бы въ концѣ концовъ сосчитаться съ Англіей. Если считать недостижимой цѣль сокрушенія морского могущества Англіи, то новое судостроительство Германіи заставитъ вѣдь Англію опять отвѣчать полуторными или даже двойными ассигновками на каждое заложенное нѣмцами судно. Европейскій воздухъ освѣженъ теперь на рядъ лѣтъ. Но что будетъ, когда эти нѣсколько лѣтъ пройдутъ? Не придется ли снова сходиться на полѣ брани? Не потечетъ ли новая кровь и не будетъ ли это очередное кровопусканіе еще болѣе ужаснымъ, чѣмъ нынѣшнее? Опасенія эти должны быть признаны основательными. А разъ такъ, то слѣдуетъ теперь же найти выходъ, теперь же выпить до дна чашу, какъ бы горька она ни показалось человѣчеству, дабы не начать пить ее вновь—при другихъ можетъ быть условіяхъ, при условіяхъ можетъ бытъ не столь благопріятныхъ, какъ нынѣ, для друзей прогресса.

«Не крови врага мы жаждемъ, говорили разсуждавшіе такъ англичане, вѣдь прольется и кровь братьевъ. Мы хотѣли бы щадить жизнь, кому бы она ни принадлежала—вѣдь мы не воюемъ съ человѣчествомъ. Нашъ врагъ—нетерпѣніе къ намъ, къ нашему величію и богатству, нашъ врагъ—желаніе сдѣлать насъ слабыми, ничтожными, подчинить себѣ. Съ этимъ намъ приходится бороться, съ этимъ мы должны бороться.» И въ соотвѣтствіи съ подобными разсужденіями указывалось средство: надо, говорилось, довести Германію до такого состоянія, чтобы тѣ протесты, которые изошли отъ соціалъ-демократической партіи, стали

обыденнымъ явленіемъ, надо ясно показать самому темному населенію Германіи, что его ведутъ по ужасному пути, что руководители его преступно распоряжаются его судьбой, что имперская безотвѣтственная политика привела Германію къ морю крови и именно она.

Другими словами, предлагалось вести войну до тѣхъ поръ, пока возмущенное населеніе не призоветъ къ порядку свое правительство и не заставитъ единую волю подчиниться волѣ народной.

«Народы не бывали бы врагами, если бы ихъ не ссорили безталанные руководители ихъ», такъ объясняли свою исходную точку зрѣнія авторы этого плана.

Англія охотно приняла данное оправданіе дальнѣйшей войны. На практикѣ этотъ планъ вылился въ колосальныя затраты на средства одолѣнія Германіи на сушѣ.

Россія еще мѣсяцъ тому назадъ не могла и помыслить, что ея войско когда-нибудь будетъ обладать той артиллеріей, тѣми воздушными судами, тѣми всевозможными приспособленіями и тѣмъ комфортомъ, какимъ она обладала теперь. Англія буквально обогащала, казалось задаривала насъ. И все это военное богатство русская армія старательно впитывала въ себя.

«Слава Богу, мы и это переварили» радостно писалъ главнокомандующій въ Петербургъ вскорѣ по полученіи какого нибудь новаго подарка Англіи.

«И бережетъ же насъ англичанка», писали въ своихъ письмахъ солдаты: «ни въ чемъ отказу нѣтъ, на щи да на кашу смотрѣть не желаемъ.»

Въ этомъ хвастовствѣ была доля истины. Дѣйствительно Англія, желая получить пушечное мясо, оказывала этому послѣднему свое вниманіе и не забывала перемежать снаряды, шедшіе отъ нея въ русскую армію, дешевыми на рынкѣ, но дорогими для нашего солдата удобствами.

И вся Россія видѣла въ Англіи близкаго и вѣрнаго друга.

Самолюбіе германскаго императора еще никогда не подвергалось столь тяжкимъ испытаніямъ.

Въ нѣсколько дней случилось то, чего онъ никогда не ожидалъ.

Онъ шелъ къ одной опредѣленной цѣли, шелъ увѣренно, въ разсчетѣ потерять часть только тѣхъ средствъ, которыя назначилъ для достиженія этой цѣли, и вдругъ, не достигнувъ этой, менѣе важной цѣли, лишился средствъ, вовсе не предназначавшихся къ употребленію въ войнѣ съ русскими, средствъ, которыя должны были служить цѣли во много разъ важнѣйшей. Вѣдь въ той войнѣ рѣчь должна была идти не о какихъ то жалкихъ областяхъ, а о гегемоніи надъ цѣлымъ міромъ. Онъ жаждалъ видѣть эту цѣль достигнутой при своей жизни и въ предвидѣніи этого достиженія, въ увѣренномъ ожиданіи великаго могущества Германіи и своего уже заранѣе держалъ себя какъ благословенный безсмертіемъ властелинъ.

И вдругъ....

— Что это? Паденіе? рѣзко спрашивалъ себя императоръ, окруженный несмѣтными полчищами.

Призракъ англійскаго флота будилъ его среди ночи. Со сдвинутыми бровями онъ выходилъ изъ своихъ покоевъ и, остановившись гдѣ-нибудь въ полномъ уединеніи и забывъ о себѣ, тупо смотрѣлъ въ бездонную тьму.

Тревожныя мысли незамѣтно подкравшись, охватывали его.

Если Россіи можно было крикнуть: «я тебя!», если Франціи еще можно было сказать: «мы съ тобой сосчитаемся!», то по адресу Англіи не было больше грозныхъ словъ.

«Даже словъ!» часто кричалъ императоръ въ своемъ кабинетѣ, приводя въ недоумѣніе дежурныхъ чиновъ въ сосѣднихъ комнатахъ.

Послѣ гибели флота, о которомъ онъ не могъ вспоминать безъ рѣзкихъ движеній, онъ на нѣсколько дней забросилъ и войну съ Россіей, и войну съ Франціей, и сидя на западной границѣ, точно отбывалъ срокъ неутѣшнаго оплакиванія.

Войска, выполнивъ послѣдніе приказы императора, тамъ и тутъ стояли безъ дѣла въ тягостномъ ожиданіи новыхъ распоряженій. Императоръ пріучилъ даже высшій командный составъ ничего не дѣлать безъ его воли, а при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, при тогдашнемъ раздраженіи императора предпринимать что-либо на свой страхъ или рискъ представлялось даже не безопаснымъ. Поэтому никто не бралъ на свою отвѣтственность никакой иниціативы.

Номинальный главнокомандующій западной арміей, какъ-то испросивъ пріемъ, заговорилъ о необходимости обсудить дѣйствія по отношенію къ Франціи, но нарвался на окрикъ:

«Вы совѣтуетесь, совѣтуетесь, да и садитесь въ лужу! На чорта мнѣ ваши совѣты! Совѣтуетесь для того, чтобы было на кого свалить потомъ отвѣтственность!».

Но послѣ нѣсколькихъ дней мрачнаго настроенія, раздраженія и апатіи императоръ вновь загорѣлся энергіей.

Огромное тѣло арміи снова заколыхалось и точно щупальцами стало захватывать пограничныя французскія земли. Новые планы зарождались не въ одной Англіи. Императоръ стремился найти выходъ изъ своего сразу ставшаго сложнымъ положенія, чтобы все-же притти къ сокрушенію Англіи.

Отысканный имъ путь лежалъ черезъ Францію.

Онъ оставлялъ теперь Россію, освобождалъ ее отъ личнаго присутствія.

«Вы должны сдѣлать все, что можете, писалось отъ имени императора командующему нѣмецкими силами въ Россіи: «Вамъ предоставляется полная свобода дѣйствій. Вы не обязаны ограничиваться опредѣленнымъ райономъ, и чѣмъ сильнѣе почувствуютъ русскіе вашу силу, тѣмъ признательнѣе будетъ вамъ Германія. Съ тѣмъ, что вы имѣете рядомъ съ собой всѣ силы Австріи, вы, я полагаю, легко и скоро одолѣете врага».

Онъ на время оставлялъ въ совершенномъ покоѣ Англію.

Сначала у него являлась мысль послать на великобританскіе острова воздушную эскадру и попытаться организовать терроръ населенія, но эта мысль была отброшена.

Какъ ни настоятельна была потребность отвѣтить на ударъ ударомъ, но чтобы ни сдѣлалъ воздушный флотъ, все это было бы бездѣльнымъ самоублаженіемъ, эффектомъ на минуту, ибо дѣйствій воздушнаго флота не могла бы использовать армія, которая въ концѣ концовъ одна была въ состояніи рѣшить участь кампаніи. Да и нельзя было бы послать значительной эскадры въ виду Франціи, которая использовала бы раздѣленіе воздушныхъ силъ.

Оставалось одно: итти на Францію. Оставалась борьба съ тѣмъ, кто разъ уже преклонилъ свои знамена передъ германскимъ орломъ. Нужно было вторично побѣдить и по трупамъ французовъ пройти въ Англію. Тамъ, у береговъ Ламанша, должна была окончиться война съ Франціей и начаться, только тогда, война съ Англіей.

«Армія будетъ перевезена къ Лондону, когда тому не будетъ мѣшать Франція», говорилъ теперь всѣмъ и каждому императоръ.

И собравъ въ свои руки всѣ нити своей западной арміи и соединивъ въ одно огромное ядро всѣ воздушныя силы Германіи, какія откуда можно было взять, онъ произвелъ рѣшительный натискъ на врага.

День столкновенія силъ Франціи съ силами Германіи былъ днемъ величайшаго испытанія республики.

Нѣмцы хлынули безудержными рѣками. Прошло пять дней въ ожесточенномъ боѣ, Франція истребила цѣлые нѣмецкіе корпуса, а Германія выливала все свѣжіе и свѣжіе потоки вооруженныхъ людей. Сметены были цѣлыя эскадры воздушныхъ судовъ съ обѣихъ сторонъ, а день побѣды не приходилъ.

Измученная непрерывнымъ огнемъ, безсонницей, запахомъ разложенія многихъ тысячъ труповъ, на седьмой день отъ начала сраженія, французская армія наконецъ отошла нѣсколько вглубь страны.

Нѣмцы, завалившіе міръ телеграммами о своей побѣдѣ, въ дѣйствительности стоившей пораженія, до того въ концѣ концовъ обезсилѣли, что, несмотря на всѣ попытки императора продвинуться дальше, только и сдѣлали, что перешагнули сферу трупнаго зловонія.

Ни одинъ изъ враговъ не могъ похвастаться побѣдой.

Начался длительный отдыхъ на обѣихъ сторонахъ, продолжительное возстановленіе разстроенныхъ силъ, пополненіе, исправленіе, отправка раненыхъ, подсчетъ утеряннаго, подсчетъ оставшагося. Итоги долго не выяснялись, а безъ нихъ нельзя было разсчитать дальнѣйшія дѣйствія.

Освобожденіе русскихъ крѣпостей отъ осады французскимъ воздушнымъ флотомъ было временнымъ. Вслѣдъ за дѣйствіями этого флота гарнизоны произвели удачныя вылазки и докончили разрушеніе осадной артиллеріи. И пока врагъ снова налаживалъ дѣло

осады, русскія крѣпостныя войска успѣли и отдохнуть, и исправить разрушенное и даже, пользуясь пріобрѣтеннымъ опытомъ, соорудить новыя препятствія. Особенное же вниманіе было обращено на изготовленіе достаточнаго количества истребителей воздушныхъ судовъ.

Отнынѣ крѣпости жили бодрымъ духомъ въ увѣренности, что онѣ не брошены, не предоставлены только себѣ, что въ тяжелую минуту имъ помогутъ, и дѣло устроенія защиты спорилось.

Послѣ того, какъ Австрія, объявивъ Россіи войну, медленно, но съ увлеченіемъ стала развертывать свои силы на русской границѣ, подъ вліяніемъ тѣхъ же причинъ, которыя воздѣйствовали на Италію, Сербія, Болгарія и Черногорія неожиданно выступили противниками Австріи и, напавъ на нее, подняли Боснію и Герцеговину.

Смѣлость трехъ маленькихъ странъ не удивила людей, бывшихъ знакомыми съ закулисной стороной.

Турецкая война сплотила въ одинъ согласный союзъ три балканскихъ государства, Англія и Франція снабдили его средствами, а нейтральная Италія пришла къ нему на помощь своими многочисленными добровольцами; относительно послѣднихъ было извѣстно что въ большинствѣ своемъ они представляютъ изъ себя переодѣтыхъ итальянскихъ солдатъ и офицеровъ. Объ этомъ вскорѣ стали толковать безъ стѣсненія, но Австрія не рѣшалась принять на себя еще и открытый ударъ Италіи и потому не говорила съ Италіей черезъ своихъ дипломатовъ рѣшительнымъ языкомъ протеста.

Южная коалиція пришлась далеко не по душѣ Австріи, особенно съ этимъ «фейерверкомъ», устроеннымъ въ Босніи. Явилась необходимость спѣшно оттянуть значительныя силы съ русскаго театра войны и

ослабить здѣсь свои удары, какъ въ виду непосредственной опасности отъ коалиціи, такъ и въ виду возможнаго выступленія Италіи, которая, оставаясь формально нейтральной, дерзила, елико могла, своей недавней союзницѣ.

Коалиція проявила себя необыкновенно энергично, и австрійскія войска, встрѣтившія врага, отступали гораздо быстрѣе, чѣмъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ русскія передъ австрійскими. Коалиціонныя силы горячо насѣдали на австрійскій аррьергардъ. Они блестяще сдавали передъ Европой экзаменъ, обнаруживая великолѣпную подготовку и боевой опытъ, вынесенные изъ войны съ турками.

Для населеній маленькихъ славянскихъ государствъ на Балканахъ Австрія была тѣмъ же непріятнымъ сосѣдомъ, какимъ для Англіи была Германія, только ихъ непріязнь къ Австріи носила болѣе ненавистническій, болѣе, такъ сказать, личный характеръ, который опредѣлялся размѣрами балканскихъ государствъ и силой Австріи. Тамъ, между Англіей и Германіей, рѣшался вопросъ о соперничествѣ, о благахъ пріобрѣтаемыхъ; здѣсь всегда стояло на картѣ самое существованіе, благо невозвратимое. Поэтому какъ ни остры были отношенія Германіи и сосѣднихъ государствъ, отношенія нынѣшней коалиціи и Австріи были еще острѣе. Поэтому проявленное и маленькими странами напряженіе оказалось напряженіемъ весьма большой степени и внушительнымъ даже для великой державы.

Они, эти маленькіе свободолюбы, поняли, что нынѣ спасеніе не въ разгромѣ Турціи, уже довольно потрепанной, а въ уничтоженіи жала, которымъ жила Турція и которое всегда высовывалось изъ за австрійской границы. Они поняли, что теперь не они рѣшатъ участь балканскаго славянства, и перестали дѣйство-

вать за свой страхъ, и всю свою энергію подчинили общему плану.

Пока производилось сосредоточеніе достаточныхъ австрійскихъ силъ на югѣ, произошло очередное крупное событіе этого богатаго событіями времени.

«Считаю теперь возможнымъ приступить къ выполненію того дѣла, для котораго я призванъ», писалъ въ Петербургъ русскій главнокомандующій послѣ описанныхъ нами событій.

«Силы наши получили надлежащую сплоченность, привыкли къ обстановкѣ военныхъ дѣйствій, хорошо справились съ новой артиллеріей и полны бодрости, рвенія и надеждъ. Ходъ европейскихъ событій благопріятствуетъ намъ. Просимъ благословить начать наступленіе».

Петербургъ немедленно отвѣтилъ.

И когда по городамъ и весямъ Россіи распространилось извѣстіе, что русская армія наконецъ вступаетъ въ дѣйствіе, что она окончательно готова, посыпались въ армію тысячи пожеланій, такъ что въ своемъ приказѣ по арміи главнокомандующій вправѣ былъ написать:

«Дорогая армія, отечество тебя благословило!»

Въ одинъ ненастный день поднялась и надъ русскими позиціями долго скрывавшаяся отъ глазъ врага наша воздушная эскадра и взяла курсъ на главныя силы нѣмцевъ.

Навстрѣчу ей вышелъ жидкій отрядъ нѣмецкихъ судовъ, который разсчитавъ несоотвѣтствіе своихъ силъ съ русскими, не искушая даже врага, немедленно отошелъ вглубь расположенія своихъ войскъ.

Несмотря на ненастье и на работу нѣмецкихъ истребителей, нашъ воздушный флотъ произвелъ блестящую развѣдку. Главнокомандующій и лично обо-

зрѣлъ съ высоты вражескія силы, а къ ночи онъ уже закончилъ размѣщеніе своихъ войскъ.

Бой начался послѣ полуночи.

Русскія войска растягивали свой фронтъ и поскольку позволяла темнота, безшумно подвигались къ нѣмецкимъ позиціямъ.

Когда наши сокреты вошли въ соприкосновеніе съ нѣмецкими, русская артиллерія повела дружную бомбардировку, которую поддержалъ воздушный флотъ.

Нѣмцы не могли повѣрить въ наше наступленіе. Они привыкли считать нашу артиллерію въ большинствѣ устарѣвшей, нашъ порохъ негоднымъ, а нашу стрѣльбу малоудачной. Не могли вѣрить и въ быстрое возрожденіе нашего флота и появившуюся днемъ эскадру приняли за французскую. Поэтому они не мало изумились, когда снаряды стали ложиться совершенно правильно, не дѣлая недолетовъ, и разворачивать мѣста паденія такъ, какъ разворачивали только лучшіе нѣмецкіе снаряды, и когда обнаружили, что русская армія наступаетъ. Они проявили большую энергію въ отпорѣ врага, но тогда какъ русскіе располагали чуть что не всѣми своими силами, подвергшіяся нападенію нѣмецкія войска, какъ ни велико было ихъ число, представляли только авангардъ Германіи. И если прежде сила этого авангарда увеличивалась отъ качествъ артиллеріи, то нынѣ эти качества сравнились. Что же касается количества, то оно уже уступало. Вдобавокъ нечего было противопоставить воздушному флоту.

Въ дѣлѣ войны большую роль играетъ духъ войска. И тогда какъ на настроеніи нѣмцевъ, несмотря на всю его удовлетворительность, не могло не отразиться постигшія Германію неудачи и вся совокупность неожиданно наступившихъ событій, духъ русскихъ войскъ былъ духомъ обреченныхъ на смерть и нынѣ воскресавшихъ, духомъ жестоко обиженныхъ и нынѣ мстя-

щихъ, духомъ изголодавшихся по побѣдѣ, духомъ летящимъ къ стѣсненнымъ по крѣпостямъ братьямъ.

Упорство нѣмцевъ разбилось отъ столкновенія съ желѣзной волей русскихъ войскъ, считавшихъ святымъ дѣломъ изгнаніе врага изъ русскихъ предѣловъ и нѣмецкая армія, потерявъ около половины своего состава, стала поспѣшно отступать подъ напоромъ свѣжихъ русскихъ силъ.

Побѣда была въ нашихъ рукахъ. И въ то время какъ Россія исходила ликованіями, побѣдныя войска одной частью заходили съ сѣверо-восточнаго края, имѣя намѣреніе оттуда начать освобожденіе крѣпостей, а другой осторожно наступали на правый флангъ нѣмецкой линіи, опасаясь поддержки ея со стороны Австріи и соединяясь съ корпусами нашихъ противоавстрійскихъ силъ.

Когда слухи о томъ, что Италія принимаетъ скрытое участіе въ балканской коалиціи, нашли подтвержденіе, и Италія не трудилась даже сколько нибудь охотно опровергать ихъ, германскій императоръ, считая ниже достоинства Германіи предлагать Италіи оправдаться въ этихъ слухахъ, порвалъ съ нею дипломатическія сношенія, а когда она спокойно отнеслась къ этому и въ свою очередь отозвала изъ Берлина своего представителя, онъ, пригласивъ послѣдняго къ себѣ, разразился угрозами. Италія потребовала объясненій, и такъ какъ послѣднихъ дано не было, то она объявила войну бывшимъ союзникамъ и стала перебрасывать свои силы въ австрійскія владѣнія.

Переправа итальянскихъ войскъ производилась совершенно покойно моремъ подъ охраной итальянскаго и англійскаго флотовъ, передъ которыми австрійскій флотъ принужденъ былъ молчать. Впрочемъ, его роль была еще хуже: Англія готовила ему смертельный

ударъ и онъ все больше и больше становился въ положеніе обороняющагося. (И такъ какъ всѣ преимущества были на сторонѣ Англіи и можно было спокойно забавляться игрой съ австрійскимъ флотомъ, то Англія поставила себѣ цѣлью не уничтожить его, а захватить).

Положеніе Австріи кореннымъ образомъ измѣнилось. Изъ нападающей на востокѣ она превратилась въ обороняющуюся на югѣ. Выступленіе Италіи заставило ее сдѣлать неожиданный для Россіи ходъ: австрійскія войска были убраны съ нашей земли и за исключеніемъ разсаженныхъ по восточнымъ своимъ крѣпостямъ переведены на новый театръ.

Въ связи съ этой перемѣной Россія всѣ свои силы бросила на однихъ германцевъ, и новая упорная борьба за осажденныя крѣпости кончилась въ нашу пользу.

День освобожденія крѣпостей, день открытія крѣпостныхъ воротъ, день входа въ нихъ побѣдныхъ войскъ былъ днемъ тріумфа главнокомандующаго. Онъ пошелъ по лазаретамъ, награждая раненыхъ, ободряя ихъ, а его встрѣчали безчисленныя депутаціи отъ крѣпостей, отъ полевыхъ войскъ, отъ воздушныхъ эскадръ. Его привѣтствовали, благодарили, восхваляли въ спѣшныхъ, простыхъ, но сердечныхъ и горячихъ словахъ. Онъ останавливалъ рѣчи, говорилъ, что ему стыдно слушать похвалы, когда изувѣчено столько людей, но наконецъ отъ охватившихъ его чувствъ, отъ подступившихъ слезъ, не могъ больше препятствовать людямъ, которые старались завѣрить его въ одномъ, въ своей любви къ нему, въ своей преданности, понялъ, что надо дать вылиться людской радости, и только взволнованно жалъ на каждомъ шагу руки.

Германская республика.

О числѣ павшихъ солдатъ въ большомъ сраженіи съ французскими войсками населеніе Германіи узнало по количеству призванныхъ изъ запаса очередей. Узнало оно и объ истинныхъ результатахъ прославленной побѣды. И когда пришли извѣстія о вспыхнувшей войнѣ на Балканахъ, а затѣмъ о пораженіяхъ нѣмецкихъ войскъ въ Россіи, а затѣмъ о «скандалѣ» съ Италіей и о вступленіи ея на сторону противниковъ, тогда невольно пришло въ голову «чего же еще ждать»? Даже благонамѣренные, всячески поддерживавшіе правительство граждане начали задумываться и говорить сначала о неоправдываемыхъ жертвахъ, потомъ о жертвахъ чрезвычайныхъ, о жертвахъ становящихся уже не по карману, а потомъ зашла рѣчь и о разореніяхъ.

Уже война съ Англіей выкинула на улицу много народу въ силу прекращенія морской торговли и погубила много капиталовъ. Промышленность еще не замирала до событій самаго послѣдняго времени, такъ какъ не предполагалось, что положеніе станетъ хуже и что война осложнится, но когда императоръ, закрывъ глаза на внутреннее положеніе, обнаружилъ упорство, которое угрожало затянуться на долгій срокъ, когда онъ не остановился и передъ войной съ цѣлой Европой и бросилъ огонь даже въ Италію, промышленность точно по сигналу разомъ стала въ

странѣ и ропотъ изошелъ и отъ пролетаріата и отъ капиталистовъ.

Германія почувствовала себя въ какомъ то огненномъ кругу, который все съужался и осудила разомъ и военные таланты императора и его затѣю прорваться къ Англіи, побѣдивъ Францію.

Безъ преувеличенія можно сказать, что митинговая жизнь стала единственной жизнью Германіи. Полиція сунулась было съ крутыми мѣрами, но ее сразу же осадили и она примолкла.

Оппозиція использовала настроеніе массъ и въ своихъ рѣчахъ призывала къ революціи.

Чувствуя что крутыя мѣры были бы приняты, какъ вызовъ на открытую борьбу и отчасти понимая, что нельзя требовать отъ голодныхъ того, что спокойно исполнятъ сытые, правительство опасалось ихъ примѣнять.

Капиталисты еще пытались воздѣйствовать на императора и остановить дальнѣйшія неизбѣжныя жертвы на войну съ сомнительнымъ концомъ и разгоравшееся внутри движеніе. Они избрали депутацію и отправили ее убѣждать упорнаго полководца смириться.

Набравшись храбрости, депутація явилась.

Она подробно изложила о положеніи дѣлъ въ странѣ, о томъ, что худого уже случилось, и о томъ, что должно было, по ея мнѣнію, еще худшаго произойти, осторожно намекнула объ опасности для самой династіи, если война продолжится, дала понять, что есть еще время примириться съ націей, понесшей столько жертвъ, и въ заключеніе отъ имени »хранителей богатствъ націи» просила дать успокоительный отвѣтъ.

«Чего-же вы, господа, хотите»? спросилъ императоръ.

И только на прямой вопросъ послѣдовалъ прямой отвѣтъ:

«Нація хочетъ мира»!

Эта мысль еще разъ была пояснена. Указано было, что продолжительныя войны въ новое время такъ разорительны, что самые блестящіе результаты не окупили бы принесенныхъ жертвъ, что теперь, какъ общее правило, должно быть принято, чтобы войны, если они неизбѣжны, были бы кратки.

«Я согласенъ съ вами, отвѣтилъ императоръ, что отечество несетъ огромныя жертвы, что оно получило тяжелый ударъ, лишившись флота, но я не согласенъ съ вами въ томъ, что уже пора заключать миръ. Вы, господа, такъ много говорившіе о силѣ Германіи въ то время, когда благословляли меня на борьбу съ Англіей, теперь, когда эта Англія нанесла вамъ далеко не критическій ударъ, теперь хотите, чтобы я просилъ эту Англію о пощадѣ. Нѣтъ, господа, въ моихъ рукахъ слишкомъ много средствъ, чтобы моя логика позволила мнѣ сдѣлать такой скачекъ, чтобы я, держа въ своихъ рукахъ громы, чувствуя за своей родиной огромную неиспользованную силу, бросилъ бы и себя и родину къ ногамъ Англіи, чтобы я купилъ миръ цѣной униженія, которому подвергалась одна Франція и то при Наполеонѣ третьемъ. Вы не наивные мальчики, которые не могли бы понять, что Англія дастъ вамъ миръ только за ваши колоніи и останется старымъ, только еще болѣе сильнымъ и тогда уже непобѣдимымъ врагомъ. Если вы этого не хотите, то чего-же вы хотите? О какомъ мирѣ пріѣхали вы сюда говорить? Нѣтъ, не хорошо продумали свое желаніе тѣ, кто послалъ васъ ко мнѣ. Вернитесь и скажите пославшимъ: Германія не можетъ добровольно погибнуть, а вы ей это предлагаете. Желаніе мира не всегда означаетъ любовь къ родинѣ. Любитъ родину тотъ,

кто въ нее вѣритъ, вѣритъ даже на смертномъ одрѣ ея. И только такая вѣра, такая любовь и можетъ дать намъ побѣду. Я понимаю тѣхъ голодныхъ людей, которые теперь ходятъ съ красными флагами по государству. Имъ нѣтъ дѣла до будущаго своей страны, хотя бы и очень близкаго, когда желудокъ проситъ хлѣба сейчасъ. И я ихъ не осуждаю, и моя рука на нихъ не поднимется. Но я осуждаю тѣхъ, кто, называя себя только хранителями богатствъ націи, сидятъ на этихъ богатствахъ и не приходятъ на помощь не по своей волѣ голодающимъ сынамъ націи. Когда братья этихъ голодныхъ кладутъ здѣсь свои головы, хранители національныхъ богатствъ не должны дрожать, еели имъ придется отпустить часть этихъ богатствъ тому народу, который они такъ любятъ, что ради него посылаютъ депутаціи, и который и создалъ эти богатства.

Все это передайте пославшимъ васъ. Передайте никому другому, какъ именно хранителямъ національныхъ богатствъ, что я жду, желаю въ самомъ скоромъ времени прекращенія тѣхъ демонстрацій, тѣхъ митинговъ, которые такъ встревожили ихъ. Надо не говорить о мирѣ, а начинать дѣлать миръ — тогда этотъ миръ придетъ и безъ депутацій и черезъ побѣды!»

Депутація вернулась въ мрачномъ настроеніи.

Рѣчь императора разнеслась по всей странѣ, но сочувствія не вызвала даже въ тѣхъ голодныхъ, на коихъ въ ней было указано. Слова не давали голоднымъ хлѣба, а заявленіе о продолженіи войны не смотря на протесты страны сулило голодную смерть. Въ помощь же капиталистовъ конечно никто не вѣрилъ.

Теперь право — либеральныя газеты и партіи взялись найти компромиссъ между волей страны и волей

императора; онѣ ухватились за идею о помощи пролетаріату и требовали ассигнованія государственныхъ средствъ на организацію борьбы съ надвинувшимся на рабочихъ голодомъ.

Лѣвыя газеты на это требованіе отвѣтили своимъ— требованіемъ экспропріаціи частныхъ капиталовъ и немедленнаго прекращенія войны.

Результатъ же въ народной массѣ былъ тотъ, что демонстраціи участились, броженіе разливалось шире и шире, угрозы уже явственно носились въ воздухѣ, и защитники правительства уже въ страхѣ притаились.

Русскій главнокомандующій не бредилъ лаврами. Страданія раненыхъ надрывали его душу и, узнавъ о загорѣвшемся въ Германіи протестѣ противъ войны, онъ удовлетворился достигнутыми результатами, рѣшивъ не бросаться на врага вновь, а выждать событія. То же чутье, которое въ свое время подсказало ему дѣятельную помощь Англіи и Франціи, пророчило теперь, что въ дальнѣйшемъ эта война уже не возьметъ столько жертвъ, сколько взяла.

Врагъ оставался еще на значительномъ пространствѣ русской территоріи, національное самолюбіе Россіи еще не было вполнѣ удовлетворено, а достоинство возстановленно, но такое положеніе представлялось русскому вождю вполнѣ терпимымъ.

Впрочемъ, чтобы Петербургъ не погонялъ его, онъ мѣстами тѣснилъ нѣмцевъ, артиллерія наша работала, «училась», по его же опредѣленію, воздушный флотъ иногда производилъ воздушныя атаки, но въ общемъ онъ сдерживалъ пылъ своихъ войскъ и «далеко не пускалъ».

Петербурскіе спасатели отечества опять стали было приходить въ изумленное состояніе и спрашивать, почему «теперь то» онъ медлитъ, и пытались воздѣй-

ствовать на руководящій кругъ, но на этотъ разъ они получили отпоръ уже въ самомъ Петербургѣ. Вся Россія глядѣла на вождя своей арміи, какъ на національнаго героя, достойнаго занять мѣсто въ исторіи наряду съ лучшими русскими полководцами. Съ этой оцѣнкой было согласно и высшее русское правительство.

Міровое вниманіе было приковано теперь къ Южной Австріи. Совмѣстныя дѣйствія балканской коалиціи и Италіи шли съ большимъ успѣхомъ.

Каждое государство, какъ оно ни сильно вооруженными силами, имѣетъ свои слабыя мѣста. Такимъ слабымъ мѣстомъ для Австріи былъ югъ. Слабость этой державы именно на югѣ была простительна. Италія считалась и была союзницей и сама никогда не разсчитывала владѣть австрійскими землями, а балканскія государства сами по себѣ были слишкомъ ничтожны, чтобы ихъ слѣдовало опасаться. Австрія была осторожна въ отношеніи одного сосѣда—Россіи и противъ случайностей съ этой стороны принимала всѣ мѣры; на югѣ же своихъ владѣній Австрія ждала случайностей только отъ самой себя.

Европейская война, которой ждали, о которой говорили и писали столько лѣтъ, которой опасались и отстраненіе которой считали высшей своей заслугой европейскіе дипломаты, которымъ это отстраненіе удавалось, оказалась дѣйствительно ужасной, и именно тѣмъ, что нельзя было заранѣе учесть сколько нибудь вѣрно, какое выраженіе приметъ въ ея дни лицо Европы, нельзя было даже представить въ самомъ вольномъ полетѣ воображенія ту картину, которая теперь была набросана съ такой безпощадной силой на гигантскомъ полотнѣ Европы.

Австрія поэтому имѣла право не пенять на себя когда четырехликій противникъ занялъ нѣсколько, важныхъ опорныхъ пунктовъ и довольно легко шелъ дальше, готовый принять и крупный бой.
Но прежде чѣмъ до послѣдняго дошло дѣло, измѣнилось внутреннее положеніе Австріи. Чешскій народъ поднялъ голову съ такой силой, такъ рѣшительно потребовалъ признанія своихъ самостоятельныхъ, долго попиравшихся правъ, что стоилъ внѣшняго врага. Австрійское правительство не видѣло другого выхода и примѣнило любимое воздѣйствіе—грубую силу, которая помогала раньше, но смѣлость чеховъ имѣла теперь опору — неблагополучіе на югѣ и грубая сила встрѣтила энергичное противодѣйствіе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и Россія вдругъ проявила наступательную тенденцію. При создавшихся прочихъ условіяхъ приходилось опасаться и Россіи. Опасно стало уже одно вступленіе русскихъ на австрійскую территорію, такъ какъ оно возбудило бы новые еще не обнаружившіеся аппетиты.

Приходилось поэтому создавать сильный заслонъ на востокѣ, уже не просто подавлять, а бороться съ чехами, и крайне умно состязаться съ искусными южными недругами. Австрія въ этотъ моментъ не желала ничего другого какъ только вернуться въ положеніе, въ какомъ была до войны.

Германская армія двигалась дальше по французской территоріи. Бои слѣдовали за боями. Сраженія уносили жизни. Но германскій императоръ считалъ не потери, а количество пройденныхъ километровъ. Онъ бросалъ силы за силами и ждалъ, когда наконецъ упорство врага будетъ сломлено и Франція будетъ оказывать лишь необходимое сопротивленіе. Онъ считалъ, что побѣда его войскъ только вопросъ нѣко-

тораго времени, такъ какъ былъ плохого мнѣнія о войскахъ республикъ вообще. Онъ полагалъ, что первая же крупная побѣда вернетъ ему довѣріе Германіи и пріостановитъ движеніе протеста.

Когда французское правительство уяснило себѣ трудность борьбы съ нѣмецкими войсками, оно обратилось къ Россіи съ просьбой повести болѣе энергичныя дѣйствія на нѣмецкой границѣ, дабы оттянуть часть силъ Германіи на себя. Русскій главнокомандующій не заставилъ долго ждать и произвелъ нападеніе. Нападеніе обнаружило недостаточность нѣмецкихъ войскъ и русское войско почти понесло врага на своихъ плечахъ и встревожило нѣмцевъ своимъ быстрымъ движеніемъ.

«Трудно понять смыслъ войны, которая состоитъ въ томъ, что одного врага отгоняютъ на километръ, а другого подпускаютъ на два. Можетъ быть нѣмецкія войска и дойдутъ когда нибудь до Парижа, но какой будетъ отъ этого прокъ, если русскіе займутъ къ тому времени Берлинъ? Мѣна очевидно не выгодная», писалось и говорилось въ Германіи.

Самъ германскій императоръ, не ожидавшій, что русскіе перейдутъ въ наступленіе, считалъ невозможнымъ дозволить русскимъ занять хоть одну пядь нѣмецкой территоріи. Онъ долженъ былъ спѣшно вновь перебрасывать войска на восточную границу и ослаблять свои удары во Франціи. И когда онъ достигъ Нанси, онъ уже какъ будто сознавалъ рискъ своего положенія.

Франція не падала духомъ. Она видѣла, что германскій императоръ напрягаетъ послѣднія свои усилія, что и страна его противъ войны. Въ самомъ дѣлѣ, что могла получить Германія, даже новыми пораженіями Франціи? Вѣдь Франція не въ силахъ была бы вернуть ей колоній, отрѣзанныхъ и, можно было считать,

захваченныхъ Англіей. Но и до окончательнаго пораженія было еще очень далеко. Нанси было крупнымъ испытаніемъ для нѣмецкой арміи и еще неизвѣстно было, не разобьется ли эта послѣдняя о его твердыни. По крайней мѣрѣ во Франціи многіе были въ этомъ увѣрены.

Русская армія между тѣмъ увеличивала число своихъ успѣховъ и, оттѣснивъ разбитыя силы врага къ самой границѣ, уже угрожала вступленіемъ въ предѣлы Германіи. Русскій воздушный флотъ началъ появляться уже надъ нѣмецкими крѣпостями, и безнаказанность его экскурсій весьма смущала нѣмцевъ. Напряженное ожиданіе перехода границы и арміей вылилось въ открытое возстаніе въ Берлинѣ. Дѣло началось съ крупной демонстраціи. Въ стотысячную наэлектризованную толпу на одномъ митингѣ было брошено неправдивое слово о томъ, что русскіе уже вступили на нѣмецкую почву. Этого оказалось достаточно, чтобы Берлинъ въ нѣсколько часовъ покрылся баррикадами и наполнился вооруженными людьми. Примѣръ Берлина послужилъ сигналомъ. И другіе города загорѣлись бурнымъ негодованіемъ и схватились за оружіе.

Растерявшіяся власти прибѣгли къ услугамъ войскъ но когда оказалось, что ураганъ возстанія охватилъ всю страну, ничего другого не осталось, какъ отказаться отъ борьбы съ народомъ и положиться на его волю.

Наскоро составленное изъ революціонныхъ дѣятелей временное правительство въ Берлинѣ потребовало отъ императора немедленнаго отъѣзда изъ арміи. Ему предложено было явиться въ Берлинъ подъ гарантіей безопасности.

Это было свыше силъ императора.

Онъ хотѣлъ кончить съ собой, но что-то заставило его отказаться отъ этой мысли.

Послѣ безсонной тревожной ночи, на самой зарѣ онъ приказалъ войти въ переговоры съ французами о перемиріи.

Французскій главнокомандующій въ виду событій въ Германіи принялъ послѣднее.

Когда императору донесли о заключеніи перемирія, онъ приказалъ явиться къ нему представителямъ всѣхъ частей его войскъ, всѣмъ высшимъ чинамъ.

Со слезами на глазахъ, тщетно стараясь скрыть волненіе, императоръ объявилъ собравшимся о своемъ отреченіи отъ престола, какъ за себя, такъ и за свою династію.

Онъ просилъ вѣрить въ одно, что онъ любилъ Германію и хотѣлъ ея счастья, просилъ войско служить республикѣ такъ, какъ оно служило ему, просилъ не позволять никому пользоваться переходнымъ временемъ—до укрѣпленія новаго правительства—для производства безпорядковъ и насилій въ странѣ, помня, что политику должны дѣлать не отдѣльные классы лицъ, а весь народъ.

Постыдный отъѣздъ онъ замѣнилъ оваціями.

Передавъ командованіе арміей, сообщивъ Франціи о своемъ отреченіи, онъ снялъ военный мундиръ и уѣзжалъ въ черномъ сюртукѣ.

Германія, готовившаяся къ длительному сопротивленію императора, полагавшая, что онъ используетъ бывшія въ его распоряженіи войска, прежде чѣмъ уступить позиціи республикѣ, была поражена.

Весь путь его до самаго Берлина былъ усѣянъ толпами. Но онъ никому не показывался. Окна его вагона были завѣшены. Въ экстренномъ поѣздѣ ѣхалъ не императоръ, а частное лицо.

Въ Потсдамѣ онъ остановился.

Къ нему немедленно явился уполномоченный новаго правительства.

Императоръ подтвердилъ дѣйствительность и серьезность своего отреченія, просилъ дать ему охрану и разрѣшить пока поселиться въ одномъ изъ самыхъ скромныхъ его дворцовъ.

Новое правительство вело себя по отношенію къ императору весьма предупредительно и удовлетворило сполна его желанія.

Когда зашла рѣчь о регулированіи денежныхъ отношеній между династіей и государствомъ, императоръ заявилъ, что онъ полагается всецѣло на законодательное собраніе. Затѣмъ онъ изъявилъ желаніе принести присягу въ вѣрности новому строю. Такъ заглаживалъ ошибки своей жизни умный человѣкъ. Это его поведеніе предупредило сочувственное ему реакціонное движеніе и сразу укрѣпило республику. Не оставалось мѣста и предлоговъ для борьбы, разъ монархъ склонялся передъ тѣмъ, кто пришелъ его смѣнить.

Газеты всего міра выражали радость по поводу отреченія. Они писали между прочимъ: «Главный герой войны, герой напряженныхъ вооруженій, ушелъ съ поля битвы. Въ его лицѣ палъ цѣлый міръ, пала вѣковая идеологія. Завоевательныя стремленія окончились полнымъ тупикомъ. Мы рады за это пораженіе, ибо оно спасетъ міръ».

«Пережитое закрываетъ книгу, открытую и начатую Наполеономъ. Тѣнь этого генія попыталась было снова встать надъ земнымъ шаромъ и растаяла въ солнцѣ братства свободныхъ народовъ.

Тѣнь эта глушила наши поколѣнія. Мы боялись ея. Когда намъ показывали на солнце, мы оборачивались на эту тѣнь».

«Только сегодня умеръ Наполеонъ!»